

Виктор Точинов

**Твари, в воде живущие
(сборник)**

Виктор Точинов

Твари, в воде живущие (сборник)

«Точинов Виктор»

Точинов В. П.

Твари, в воде живущие (сборник) / В. П. Точинов — «Точинов Виктор»,

Жизнь человека, да и любого существа невозможна без воды. Но в глубине вод есть своя жизнь... Иногда очень странная. Иногда страшная... Многие тысячелетия вода манит людей, начиная с далеких обезьяноподобных предков, предпочитавших не уходить далеко от речки или озера, от водопада. И многие тысячелетия вода пугает людей – начиная с тех же предков, хорошо знавших, что в любой момент поверхность может взбурлить – и из глубины покажется оскаленная пасть Хозяина Вод. Хорошо знавших, но обреченных вновь и вновь возвращаться на берег. Так и я вновь и вновь возвращаюсь на берег моря, или глухого лесного озера, или к тихому речному омуту, или к давно заброшенному колодцу, – чтобы вновь встретиться взглядом с Тем, Кто Живет В Глубине... Сборник из одноименного романа и трех повестей и рассказов, объединенных общей темой. «Драконоборец», повесть «Русалка на ветвях сидит», рассказ «Тот, кто живет в пруду», рассказ «Твари, в воде живущие», роман

© Точинов В. П.

© Точинов Виктор

Содержание

ТЕМНЫЕ ВОДЫ	5
Драконоборец	7
I. Озеро: Смерть на закате	7
II. Озеро: Прикладные аспекты криптозоологии	13
III. Озеро: Тварь	20
IV. Город: Маркелыч и другие	28
V. Столица: Три визита в прошлое	40
VI. Озеро: Тварь и Лукин	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Виктор Точинов

Твари, в воде живущие

Сборник

ТЕМНЫЕ ВОДЫ

(предисловие автора)

Я пишу эти строки ночью, темной октябрьской ночью. Снаружи ветер обрывает последние листья с деревьев, бесшумно катит свои воды река Луга, а пересекая ее лунная дорожка отлично видна из моего окна.

Завтра – последний день загородного сезона, и хлопоты по консервации дома до весны, и погрузка многочисленных вещей в машину... И, конечно же, перед долгой дорогой в Питер, – прощальный визит к реке.

Вновь я буду стоять на гладком, вылизанном водой плитняке, и всматриваться в прозрачную, кристальную осеннюю воду – такую изменчивую и такую неизменную.

И, как обычно, рано или поздно возникнет ощущение: кто-то смотрит *на меня* – оттуда, из призрачной, ирреальной, размывчатой глубины. Смотрит холодным, немигающим взглядом. Кто-то невероятно чужой и невероятно древний, хорошо помнящий времена, когда по этим прибрежным плитам ступала нога не человека, но лапы и копыта давно исчезнувших существ. Исчезнем и мы – останется этот поток, эти камни... И Тот, Кто Живет В Глубине.

А потом громкий плеск рыбины заставит вздрогнуть, и наваждение рассеется...

* * *

Октябрь в этом году на редкость теплый... Отправляйтесь на рыбалку, не пожалеете. Не просто посидеть с удочкой на берегу городского пруда – на настоящую, с ночевкой у костра, рыбалку в хорошей компании. Думаю, вам доведется услышать кое-что интересное – когда почти опустеют бутылки и отзвучат правдивые рассказы о во-о-о-от таких рыбаках.

Каждый, проводивший много времени на безлюдных берегах водоемов, сможет поведать хотя бы одну историю – загадочную, тревожащую, будоражащую воображение. Их редко рассказывают в иной обстановке – в теплых и светлых квартирах *странные* случаи воспринимаются по-другому, вызывают лишь снисходительную усмешку. Но когда цивилизованный, упорядоченный, *правильный* мир сжимается до размеров трепещущего светового пятна от костра, а вокруг мгла, наполненная непонятными звуками и скрывающая неизвестно что – материализм и рационализм уступают место первобытному страху перед темнотой и неизвестностью. Потому что темные воды рядом с вашим костром могут неожиданно взбурлить, раздаться, и...

Тот, Кто Живет В Глубине, совсем рядом. Зеркальная поверхность реки или озера – граница двух миров, непрочная и зыбкая. А мы подошли к ней слишком близко...

Хотите знать, что там, в глубине? У меня хватит историй до самого рассвета. Доставьте из рюкзака последнюю бутылку, усаживайтесь поудобнее...

Дело было так...

Что? Кто громко плещется там, в темноте? А вы сходите, проверьте...

* * *

Вода это жизнь – затертый до банальности афоризм. Но понимать его можно по-разному. Жизнь человека, да и любого существа невозможна без воды. Но в глубине вод есть своя жизнь... Иногда очень странная. Иногда страшная...

Многие тысячелетия вода манит людей, начиная с далеких обезьяноподобных предков, предпочитавших не уходить далеко от речки или озера, от водооя. И многие тысячелетия вода пугает людей – начиная с тех же предков, хорошо знавших, что в любой момент поверхность может взбурлить – и из глубины покажется оскаленная пасть Хозяина Вод. Хорошо знавших, но обреченных вновь и вновь возвращаться на берег.

Так и я вновь и вновь возвращаюсь на берег моря, или глухого лесного озера, или к тихому речному омуту, или к давно заброшенному колодцу, – чтобы вновь встретиться взглядом с Тем, Кто Живет В Глубине...

* * *

...Ветер совсем стих, хорошая ночь сегодня. Давайте-ка вместе – не дожидаясь рассвета – прогуляемся к реке, постоим на берегу, посмотрим на темные воды. И попытаемся увидеть тех, кто шумно плещется во мраке...

Виктор Точинов

Кингисепп, Ленинградская область

21.10.2006

Драконоборец (Повесть)

І. Озеро: Смерть на закате

1

Валера погиб на закате.

На таком же закате, когда нижний край багрового солнца только-только касался верхушек крохотных далеких елей... Погиб именно здесь, на затерянном в карельской тайге озере.

– Это где-то тут, надо поискать, следы должны остаться... – Пашка открыл дверцу и вылез из уазика. Лукин тоже поспешил наружу и внимательно посмотрел вокруг.

Место красивейшее, и самый роскошный вид открывался именно отсюда – с почти безлесого, увенчанного несколькими шишкинскими соснами холма, спускающегося к большому заливу. Залив отделяла от озера цепочка отмелей-луд (в двух-трех местах над водой выступали черные камни, а на вершину самой высокой луды нанесло земли, она превратилась в островок, зазеленела травой, выросло даже несколько невысоких березок). Безлюдье...

Лукин вдохнул полную грудь свежайшего воздуха и не стал задавать Пашке давно вертевшийся на языке вопрос: “Зачем Лариска с парнем в эту даль поперлись?” Ответ перед глазами: где же еще найдешь такое берущее за душу место...

Следы действительно обнаружились быстро и рядом, под росшими на отшибе от леса четырьмя соснами-великанами: отпечатки новеньких протекторов “Нивы”, кострище, ямки от колышков палатки. Чуть поодаль – следы других колес, надо думать, оставленные милицией.

– Здесь и остановимся, на том же месте, – сказал Пашка и взъерошил шевелюру характерным, совершенно не изменившимся за годы жестом. Только волосы стали седые... Пашка – и седой, надо же... У самого Лукина лишь начали сесть виски.

Они молча устанавливали выдавшую виды брезентовую палатку, молча вытаскивали из машины и раскладывали вещи – но разговор назревал, очень неприятный для Лукина разговор. Он начал его сам, когда они с Пашей, закончив с обустройством временного лагеря, вышли к озеру.

Место не просто красивое, оно кажется *мирным*, спокойным и безмятежным. Но именно сюда приехала со своим другом две недели назад Лариса, дочь Пашки. И отсюда вернулась домой – одна.

– Ты хочешь сказать, что именно здесь обитает неизвестная подводная тварь, опрокинувшая резиновую лодку и сожравшая этого парня, Валеру? – сказал Лукин, не глядя на Пашку – смотрел на озеро, вглядываясь в обманчиво-прозрачный подводный мир – казалось, сквозь хрустальную воду можно видеть очень далеко, но уже в паре метров от берега все тонуло в неясных полутенях, расплывалось и исчезало.

– Я не хочу ничего сказать, Игорь... – медленно, словно через силу, ответил Паша. – Я знаю одно: когда Лариска примчалась тогда ночью – она не врал. Она не дура, чтоб так глупо врать. Если даже допустить, хотя никогда и не поверю в такое... что ей пришлось... мало ли что бывает... полез пьяный... или случайность какая... непреднамеренно...

Он совсем сбился и замолчал. Лукин решил ему помочь:

– То есть, если Валера погиб так, что ее могли каким-то образом обвинить, ей нет резона сочинять дикую и нелепую историю о таинственном монстре? Так?

– Так. Она ведь здешняя, хоть и учится сейчас в городе. Училась... И тайгу знает, и какие случаи порой в ней бывают... нехорошие... Уж могла бы придумать чего-нибудь. Дескать, поплыл утром, пока она спала, в тумане на рыбалку – и не вернулся... Вот и все – ищите тело.

Труп так и не нашли. Что, впрочем, не удивительно – два аквалангиста прочесывали заливчик около трех часов, а непогода могла унести тело незадачливого Ларискиного кавалера за несколько дней куда угодно...

– Вот следовательно резон в таком вранье углядел, – продолжил Пашка. – У него все просто получается: убила, спрятала, и косит с глупой байкой под невменяемую. Сам-то Валерка парень был хороший, смотрел я на них и радовался, но вот папаша его... Короче, никто историю на тормозах не спустит... Хотя могли бы – нету тела, нет и дела, не слышал поговорку такую? Папаша в силе, будет давить на прокуратуру, те – на Ларису: признайся и покажи, где труп зарыла...

«А ты, милый друг, хочешь предъявить им убитого монстра, – с какой-то досадой за Пашку подумал Лукин, – хочешь, еще как хочешь... Желательно с какими-нибудь останками в желудке. И нечего отпираться – двустоволку двенадцатого калибра, что ты с собой прихватил, еще как-то объяснить можно. Но шашки тротилловые зачем? На здешних озерах и удочкой со спиннингом за час нам на три дня рыбы наловить можно... Тебе легче уверить себя, что здесь действительно водится Лох-Несское чудище, чем признать, что родная дочь могла убить человека и съехать потом с катушек...»

– Что касается чудовищ... – продолжил Паша, внимательно посмотрев на Лукина. – По озерным чудушам ты, Игорь, у нас главный специалист: и в Якутию за ними ездил, и в Африку, и статьи писал в “Комсомолке”, и книжку сочинил, про это, как его... бембе...

– Мокеле-мбембе. “По следу мокеле-мбембе” книжка называлась, – машинально поправил Лукин, вглядываясь в озеро.

По дороге сюда он представлял его иначе, мрачной котловиной среди высоких, заросших лесом берегов, с постоянным комариным писком и с темной, загадочной водой.

Лукин бывал в подобных местах и знал, как давят они на психику, особенно если связана с озером какая-то местная легенда (а про мрачные места легенды складывают особенно охотно); знал, как легко принять шум от падения в воду дерева с подмытыми корнями или резкий взлет стаи уток за *нечто* таинственное и непонятное – тем более ночью, человеческие нервы и органы чувств по ночам всегда перенапряжены, это уже генетическое, со времен пещер и бродящих вокруг саблезубых хищников...

Но озеро, открытое и залитое солнцем, никаких мрачных мыслей не навело, а значит наиболее вероятным становился другой вариант, довольно хреновый... Для Пашки хреновый.

Главный и самый неприятный вопрос он задал, когда они вернулись от берега к палатке:

– Скажи, Паша, а Лариса не увлекалась ничем таким... ну, таблетки всякие, галлюциногены? Если ты уверен, что не врала, могло ведь и действительно привидеться...

Последний раз Лукин видел Лариску озорной шестиклассницей, а теперь фактически спрашивал старого друга: не наркоманка ли его дочь, убившая дружка под кайфом? Очень не хотелось ему задавать такой вопрос...

Паша поморщился и долго молчал, массируя правую сторону груди и глядя на противоположный берег, где солнце почти исчезло в тайге. Ответил он со слегка напускным спокойствием:

– Не знаю, Игорь. Родители вообще много чего про взрослых детей не знают... Я ничего и никогда не замечал; мать, пока была жива, – тоже. Тесты делали... после рассказа ее – ничего не нашли. Но сам понимаешь, какие в нашей райбольнице тесты, разной гадости сейчас столько напридумывали...

«Вот так. По крайней мере открыто и честно. Вполне может быть, что завтра мы начнем поиски наркотического фантома по стандартному, отработанному во многих экспедициях

алгоритму: осмотр берегов на предмет следов, расспросы аборигенов, буде такие имеются, прочесывание дна эхолотом (непреренно засечем несколько подозрительных валунов и топляков). Как бы я хотел, Паша, чтобы мы чего-нибудь действительно нашли... Но именно потому, что я специалист и не раз имел дело с такими историями, знаю – шансов найти нужное тебе нет... Ни одного...»

Последние лучи окрасили воду в неприятно-красный цвет. И Лукин подумал – что-то мрачное в озере все же есть.

2

Утром никаких поисков не началось. Утром, лишь чуть развиднелось, была бешеная гонка обратно по лесным дорогам, и прыгающий в руках руль, и хрип-стон сквозь стиснутые зубы: “Держись, Пашка, держись...”

Он успел.

Успел и сам тому удивился, глянув на часы (потом, когда Пашку повезли куда-то вглубь больничного корпуса на каталке, торопливо отдавая на ходу указания) – глянул и удивился себе и старому уазику, прикинув, с какой скоростью промчался казавшуюся вчера бесконечной дорожку, при том еще и стараясь аккуратно объезжать всевозможные ямы и выбоины.

«Вот уж не знал, что я такой гонщик-экстремал... хоть сейчас на Кэмел-Трофи...»

На Кэмел-Трофи его приглашали – лет десять назад, когда пропаганда такого спорта у нас лишь начиналась, а звезда журналиста Игоря Лукина, неперенного участника всех экспедиций за таинственным и загадочным, была в зените...

– Вы родственник? – седеющий врач, на вид ровесник Лукина и Пашки, подошел неслышно, удивительно легкой поступью для высокого грузного тела.

– Друг, – ответил Лукин после секундной паузы, с тревожным ожиданием глядя на врача. – Старинный друг...

– Инфаркт у вашего друга, состояние тяжелое, но стабильное, – безрадостно и утомленно сообщил эскулап казенную формулировку, помолчал и спросил тем же бесцветным тоном:

– Пили вчера?

– По сто пятьдесят грамм, за встречу... Большого уже и не позволяем себе как-то, да и не хочется... Наверное, отмеренную на жизнь цистерну уже осушили...

– Не стоило и тех ста пятидесяти... Павел Иннокентьевич у нас уже побывал... вы не знали? Почти год назад, вскоре после смерти жены... тогда все предынфарктным обошлось... Теперь вот с дочерью проблемы... Беречь нам себя надо, мужики...

«Да... вот она, провинция... все, всё и про всех знают... Интересно, зачем я сюда приехал, тоже знают?»

– И что теперь будет?

– Ничего особенного, недельку полежит в реанимации, потом – на общее, тогда и посещения разрешим... Ну а затем, после выписки – реабилитационный период, месяца три-четыре... А у вас, кстати, как с сердечком? Цвет лица что-то не очень...

– У меня все нормально, – сухо сказал Лукин, поднимаясь. – До свидания вам не говорю, примета дурная...

3

Снова, в третий раз, он ехал той же дорогой.

Ехал не торопясь и впервые рассматривая все по сторонам – вчера слишком внимательно слушал Пашку, а во время сегодняшней гонки было вообще ни до чего. И понял, отчего на

озере так пустынно: дорога стала нынче проезжей явно случайно, впервые за много лет, по причине небывалой летней жары.

Пару заболоченных мест даже сейчас можно преодолеть исключительно на внедорожнике. Пропавший Валера, похоже, лихо управлялся со своей “Нивой”, а вот как на ней вернулась Лариска – загадка природы...

Засиживаться на озере, конечно, не стоит. Нет, Лукин не собирался сразу забрать палатку и брошенные впопыхах вещи, все обещанное Паше он сделает, пусть и заранее предвидя результат – но не стоит долго ловить черную кошку в комнате, где ее нет.

А Лариска... Что же, хороший адвокат поможет ей даже не изменить, а чуть-чуть подкорректировать показания, и этого хватит, чтобы изобразить совершенно другую картину происшествия...

Ведь что она рассказала? Что резиновую лодку в сотне метров от берега подбросил сильный толчок снизу (даже будто она углядела, внизу, под днищем, что-то большое и непонятное...). Легкая посуда перевернулась и выпавший Валера поплыл почему-то не к лодке, а сторону – но через пару секунд исчез под водой, при этом был мощный бурун и сильный всплеск – и, по ее словам, опять мелькнуло что-то странное...

Черт возьми, да тут не надо даже ничего менять в показаниях, достаточно вставить всего несколько слов: “вроде бы”, “мне показалось”, “как будто”, “было похоже на...” – вставить и делать упор на расстояние и бьющее в глаза солнце...

Да, все правильно, тем и стоит ему заняться, наскоро сделав на озере обещанное Пашке, – найти хорошего адвоката, если надо – привезти из Петрозаводска и объяснить ему самую простую и надежную линию защиты... И папаша, которого, впрочем, по-человечески жалко, может давить на прокуратуру до посинения – там тоже не дураки сидят и, надо думать, понимают, что без тела им даже преступное бездействие вменить Лариске никак не получится...

Вот этим, товарищ Лукин, вы и займитесь. Нечего разводить мистику, тут вам не Шотландия с ее знаменитой Несси, да и та, кстати, за полтора века своей виртуальной жизни ни одной лодки не опрокинула и ни одного рыбака или туриста не сожрала...

4

В оставленном лагере все оказалось в порядке: палатка стояла на своем законном месте и пожитки, иные достаточно ценные, пребывали в ней в полной сохранности: и сложенная надувная лодка, и мотор к ней, и эхолот, и прочие оставленные в спешке вещи – утром, когда стало ясно, что с Пашей *серьезно*, что нитроглицерин из аптечки не поможет – Лукин успел прихватить с собой только видеокамеру.

Закончив ревизию хозяйства, он глянул на часы и лишь сейчас понял, что ничего не ел со вчерашнего вечера. Желудок от такой мысли мгновенно пробудился и безапелляционно потребовал наверстать упущенное. Опустошая торопливо вскрытую банку тушенки, Лукин решил наловить рыбы и сварить на ужин уху – позор рыбаку у озера питаться консервами.

К берегу он подошел, раздвигая телескопический спиннинг – легкую, компактную и изящную снасть, сопровождавшую его во всех разъездах последних лет и позволявшую потешить рыбацкую страсть под самыми разными широтами.

Доставая из коробочки блесну и прикрепляя к леске (обычный, без затей, “Мёппс” с тремя красными точечками на золотистом латунном боку), Лукин подумал, что в озере есть все же какая-то мелкая несуразность. В обычном для здешних мест пейзаже не хватало чего-то совершенно обыденного и привычного, на присутствие чего никогда и не обращаешь внимания, но когда этого нет – легкая, неосознанная неправильность происходящего царапает по восприятию...

Но чего здесь не доставало, Лукин так и не понял.

Блесна почти беззвучно шлепнулась в воду метрах в тридцати от берега и он стал отсчитывать про себя секунды, определяя глубину. Глубина оказалась приличной, около восьми метров; склон холма, на вершине которого они разбили лагерь, и за урезом воды продолжал спускаться так же круто. Лукин начал неторопливую подмотку.

Он не раз ловил на таких озерах – прозрачных, бедных бентосом водоемах – и прекрасно знал, что будет дальше: рыба здесь всегда голодная, через два-три метра проводки последует уверенный удар-толчок по блесне и на берегу закувыркается полосатый красноперый окунь; и почти на каждом забросе хватка будет повторяться (разве что иногда блесну успеет раньше перехватить шустрая щучка) – и через десять-пятнадцать минут у него наберется достаточно рыбы на уху, придется уходить с чувством разочарования, какое он всегда испытывал на слишком рыбных местах...

“Мёппс” прочертил глубину золотистым пропеллером и выскочил из воды, так и не испытывав чьих-либо покушений. Лукин хмыкнул и сделал второй заброс, на меньшей глубине, почти параллельно берегу...

Через час, перепробовав все имевшиеся в наличии приманки, он пришел к неутешительному выводу: рыбы здесь нет.

«Все правильно, у самого берега глубоко, вода холодная... мелочь держится, где потеплее... у того берега или над лудами... а где мальки – там и окунь... надо высмотреть местечко поближе... чайки должны кружить...»

И тут его мысленное рассуждение оборвалось на полуслове. Лукин наконец понял, отсутствие какой детали царапало ему взгляд еще со вчерашнего дня – над озером не кружились чайки.

Ни одна.

5

Он сидел на теплом валуне возле палатки и изучал в бинокль берега и поверхность озера. На берегах интересного было мало.

Левее, километрах в трех, виднелась небольшая деревушка – Лукин знал, что она нежилая, уже лет десять как полностью обезлюдела.

Справа по берегу, на вдвое большем расстоянии, тоже проглядывали сквозь молодой лесок какие-то строения – он не понял, что там такое, и подробная карта местности ничем не помогла. Может, база геологов, или наезжавших порой рыбаков-артельщиков – и скорее всего заброшенная. Ни дымка, ни какого шевеления Лукин не углядел. Он не стал ломать голову, все равно собирался объехать и осмотреть, насколько возможно, берега озера.

На противоположном низком берегу, почти напротив, вода узкой полосой вдавалась в берег – не то бухта, не то начало протоки, тянувшейся несколько километров до втрое большего Пелус-озера.

Чаек он так и не увидел.

Белые комки на воде, в полукилометре от него, оказались стаей лебедей. Лукин сначала удивился, а потом подумал, что в августе в тундре, в их исконных гнездовьях, уже вполне может выпадать снежок – вот и откочевали сюда, в безлюдное местечко, откормиться и отдохнуть перед дальним перелетом, окончательно поставить на крыло молодняк (молодые лебеди выделялись в стае меньшим размером и совсем не лебединой, буро-желто-черной окраской...).

Чаек нет... И рыбы нет... Случайное совпадение? Или и сюда умудрились слить какую-нибудь гадость? Да вроде неоткуда... И кое-какая рыбешка все-таки плавает. Может, неурожайный на малька год? Нерестилища, к примеру, обсохли... чайки подались в другие места, благо озер в округе хватает...

Шум и гогот дружно взлетевших лебедей далеко разнесся над спокойной водной гладью и заставил Лукина встрепенуться.

Лебедь птица большая и могучая, взлет с воды даже одного – зрелище красивое и шумное. Но послышалось и нечто кроме плеска воды и хлопанья мощных крыльев. Нечто, заставившее Лукина снова схватиться за бинокль – звук напоминал чмокание исполинского вантуза или тысячекратно усиленный звук поцелуя – так, наверное, и слышались бедняге Гулливеру поцелуи обитателей страны великанов.

Бурун был слишком большой, такое возмущение воды никак не могли оставить несколько десятков взлетающих птиц. Лукин смотрел на расходящиеся концентрическими кругами волны (высокие, выше, чем оставляет за собой идущая на полном ходу моторка) и пытался понять, *что* он видел в ту краткую долю секунды, когда поднес бинокль к глазам, но они, глаза, еще не успели настроиться на наблюдаемую картину, выглядевшую неясной и размытой.

Лукин мог поклясться, что видел в тот момент исчезающего на дне глубокой водяной воронки лебедя, и... что там мелькнуло еще, он не смог понять, но что-то большое и стремительно погружающееся...

Испуганные лебеди давно улетели и затихли расходящиеся круги волн, а он все сидел на нагретом солнцем камне, безвольно опустив руку с биноклем, и думал.

Лукин думал об Африке.

II. Озеро: Прикладные аспекты криптозоологии

1

Африка...

Странно все в жизни повторяется. Двадцать три года прошло с тех пор, как он, молодой и энергичный спецкор “Комсомолки”, принял участие в той достопамятной экспедиции – времена настали уже новые, и на газетных и журнальных страницах все чаще появлялись статьи об НЛО, снежных людях (пардон, реликтовых гоминидах – так их предписывалось называть) и, наконец, о том, что послужило причиной их экспедиции – о посланцах прошлого, о неизвестно каким чудом доживших до наших дней доисторических гигантах.

О динозаврах...

Но соизволение на статейки – одно, а вот финансирование такой экспедиции Лукина удивило – но не слишком сильно, вокруг хватало вещей действительно поразительных и удивительных.

Мокеле-мбембе они так и не отыскали.

Да и не могли, скорее всего, отыскать. Представлявший в экспедиции местную науку доктор Марселин Ананья, криптозоолог и энтузиаст поисков реликтового бронтозавра, похоже, меньше всего заботился о том, чтобы искомое существо найти, описать, классифицировать и поместить в определенную ячейку наших представлений о животном мире – так, как произошло с обнаруженными уже в двадцатом веке окапи и коммодским драконом, тоже долгое время считавшимися легендой.

Доктора Ананью гораздо больше интересовало превратить чудище озера Теле в аналог знаменитой на весь свет шотландской Несси. Тайна должна остаться тайной, но стать не убогой загадкой глухого уголка Африки, а раскрученной и всемирно известной ТАЙНОЙ, привлекающей поток богатеньких западных энтузиастов.

А он, доктор Ананья, надо думать, виделся себе в роли бессменного хранителя тайны и главного гида для туристов-толстосумов – теплое местечко, что и говорить.

(Впоследствии он вполне преуспел в задуманном, их экспедиция оказалась первой ласточкой, потом тем же путем последовали американец Рой Мейкел и еще несколько весьма богатых любителей загадочного, а еще позже шустрого Ананью вполне доказательно обвинили в подделке записей криков мокеле-мбембе и десятиминутного фильма отвратного качества, демонстрирующего наконец миру конголезского монстра – но ему (не монстру, а доктору) удалось тогда как-то отвертеться и продолжить свою подвижническую деятельность...)

Правительство Конго тоже было заинтересовано в поисках, а не в находке и вполне отчетливо понимало, какой неиссякающий поток долларов способна принести африканская Несси; район Теле и рек Батанги и Ликалы уже планировали превратить в заповедник для охраны уникального гиганта (с развитой туристической инфраструктурой, разумеется).

Но и наших больших людей, принимавших решение об отправке экспедиции, вдохновляла не поимка и доставка в Московский зоопарк живого ископаемого. Цель, как догадался потом Лукин, состояла в другом: здешнее правительство все больше сбивалось с ленинского курса и шли интенсивные контакты и поиски региональных лидеров, способных страну на правильный курс вернуть. Не случайно серьезных биологов в экспедиции было раз, два и обчелся – а в основном деятели загадочной науки с загадочным названием “африканистика”. И скрываться под таким названием могло все что угодно...

2

Лгал ли Лукин тогда в своих репортажах? Да нет, не лгал... Хотя и понял довольно быстро, что все происходящее вокруг представляет собой удивительный сплав самых различных интересов, не имеющих отношения к таинственному гиганту: помимо стремлений заполучить многолетнюю жирную кормушку в дело вступило и извечное желание жителей местной глубинки задурить голову доверчивому и простоватому “белому мбване”, ничего не понимающему в жизни джунглей. В этом они, по мнению Лукина, ничем не отличались от аборигенов родных берез и сосен, тоже любящих с серьезным лицом выдать “городским” затейливо украшенную подробностями фантастическую историю...

Но Африка вокруг была настоящая, полная разных загадок. И пусть показанная аборигенами “тропа мокеле-мбембе”, соединяющая Батангу с безымянным озерцом – широкий путь в зарослях, утопанный кем-то весьма массивным, – оказался на деле тропой вполне обыденных (для Африки, конечно) гиппопотамов; и пусть кошмарный рев, доносящийся по ночам из джунглей, принадлежал отнюдь не мокеле-мбембе, как утверждал Ананья, а голосистой птице размером с обычную курицу; но не о том, совсем не о том писал Игорь Лукин в серии своих корреспонденций – он старался, как мог, довести до читателя именно *ощущение*, которое возникает, когда выходишь на ту загадочную тропу или слышишь ночные звуки джунглей – ощущение того, что невиданное и чудесное *рядом*, что оно таится за поворотом тропы или на дне заросшего заливчика, и ему, неведомому, нет никакого дела до людских интриг и суеты – оно есть и этого достаточно...

В редакцию тогда мешками приходили письма от граждан, *уверовавших* в мокеле-мбембе после Игоревых писаний. Нельзя сказать, что он обрадовался такому результату. И в вышедшей спустя три года книге “По следу мокеле-мбембе”, объединившей в переработанном виде его экспедиционные отчеты, Лукин постарался, вопреки названию, сократить всю мифическую и ненаучную составляющую, все байки чернокожих Мюнхгаузенов – и дать как можно больше *настоящей* Африки, в которую он без шуток влюбился за годы, проведенные на Черном континенте.

3

Говорят, все трагедии повторяются в виде фарса.

Может оно и так, но сейчас конголезская эпопея, превращенная в фарс стараниями доктора Ананьи, повторялась с Лукиным в трагичном виде.

Трагедия звучала в голосе Пашки, разбудившего его неделю назад ночным звонком, трагедия случилась с Лариской, попавшей в какую-то дикую и невообразимую историю и оказавшейся в СИЗО с воровками и мошенницами. Да и у родителей исчезнувшего Валеры, что там о них Паша не говорит, трагедия тоже не шуточная.

А с Лукиным все повторялось теперь в каком-то зеркально-перевернутом виде.

Вместо удушливо-жарких джунглей – неброская природа русского севера; вместо многолюдной экспедиции – одиночество, теперь, после утреннего происшествия с Пашкой, совсем полное. И, если уж сравнивать до конца, то вместо двадцати девяти лет, полных сил и энтузиазма – пятьдесят два года, поубавившие пыла и добавившие цинизма, скепсиса и проблем со здоровьем.

Неизменным осталось одно – озеро, в глубинах которого жило НЕЧТО.

Мысль о том, что НЕЧТО вполне могло водиться только в глубине его мозга, взбудораженного историей с Лариской и измотанного событиями сегодняшнего дня, с раннего утра понесшимися вскачь, – такую мысль Лукин старательно отгонял.

... За несколько секунд до того, как провалиться в бездонную яму сна, Лукин понял, чего еще, давно привычного для таких мест, ему не хватало последние два дня. Вокруг совершенно не гудели комары, еще один плюс нынешнего рекордно жаркого лета, иссушившего все комариные инкубаторы – окрестные болотца и паточкины.

Ну и славно, значит и завтра утром их не будет, когда он накачает лодку, возьмет эхолот, и...

4

Эхолот предназначался для избалованных и ленивых западных рыбаков.

Встроенный процессор преобразовывал малопонятные для глаза непосвященных картинки в красивые и аккуратные фигурки рыбок, разных цветов и размеров; но рыба Лукина не интересовала и он отключил преобразователь, всматриваясь в сплетение линий на экране.

А потом прибор зашкалило, экран вспыхнул густеющим желтым пятном – если бы лодка неслась на полной скорости, Лукин подумал бы, что под ним подводный холм-луда... Но суденышко шло на самом малом ходу и так быстро повышаться дно никак не могло. Заглушив на всякий случай мотор, он возился с ручками забарахлившего прибора, когда вода в паре метров слева по борту совершенно беззвучно раздалась...

Над поверхностью показался предмет, больше всего напоминающий ствол вековой неохватной сосны – вырвавшийся из цепких объятий донного ила и всплывший в вертикальном положении.

Но то оказался никакой не ствол, сверху его венчала не крона, не комель и не ровный круг спила – над Лукиным, на высоте двухэтажного дома, нависла огромная сплюснутая голова. Ни глаз, ни ноздрей, ни других органов на чудовищной голове не видно, лишь пасть – медленно раскрывшаяся громадная пасть. Начиналась она прямо от толстенной шеи-ствола. Зубы, растущие в несколько рядов, до самой глотки, казались малы в сравнении с размером твари, но мелкость была относительной – каждый клык с хорошим охотничий кинжал величиной...

Он не забился в истерику от нереальности происходящего, заходясь истошным воплем ужаса – он много лет искал *это* и был внутренне готов к встрече...

Когда шея стала изгибаться гигантской пародией на лебедя и кошмарная пасть слепо нацелилась на Лукина, он схватился за Пашину двустволку. Но вместо нее в лодке лежал старый АК-47...

Автомат не взорвался лающей очередью – Лукин с трудом разжал судорожно давящий на спуск палец, коротко бросил взгляд на медленно опускающуюся пасть твари и передернул затвор, досылая патрон – затвор возвращался на место тоже медленно, словно неохотно...

И опять выстрелы не разорвали тишину раннего утра – раздалось полушипение-полухлопок, из ствола вырвалось сизое облачко дыма и пуля, Лукин прекрасно видел ее полет, она, медленно снижаясь, пролетела два метра и бессильно скатилась в воду, слабо ударившись о морщинистую кожу чудовища. Патроны отсырели, понял Лукин, за двадцать три года патроны совсем отсырели...

В этот момент пасть вцепилась, но не в Лукина, а к корму лодки, моментом располованная резина издала свистящий выдох, мотор хрустнул, как спичка в пальцах, внутрь тут же хлынула холодная вода, немедленно скрутившая ледяной судорогой ноги Лукина.

А чудовище меланхолично жевало лодку, все ближе подбираясь к нему мерно движущимися рядами зубов-кинжалов...

5

Он вынырнул из сна резко, одним рывком, как выныривает на поверхность ныряльщик, легкие которого горят от недостатка кислорода.

Перед глазами еще стояла усеянная клыками пасть, а ноги жгло хлынувшей через разорванный борт ледяной водой.

Лукин помотал головой, стряхивая остатки кошмара, но холод в ногах никуда не делся, ноги на самом деле сильно замерзли – сам виноват, вчерашним теплым вечером показалось, что лечь в спальном мешке будет жарко и он заснул, накрывшись легким одеялом.

Он выскочил из палатки в рассветный туман, торопливо разжег костер, повесил над огнем набранный с вечера котелок и только потом бросил взгляд на озеро. Его тоже покрывал туман, еще более густой, чем здесь, на вершине холма, и вода из-под белых клубов не виднелась. Теперь озеро не казалось мирным и безобидным, как недавно, под лучами закатного солнца – в липком белом месиве могло скрываться что угодно.

И кто угодно.

А может, туман был как туман, но продолжал давить на психику дурацкий ночной кошмар...

«Нет, на резиновой калоше я с эхолотом не поплыву, – решил про себя Лукин, – тем более в одиночку... Пусть это глупо, но я не могу плыть, ожидая каждую секунду, что вода у борта раздастся, и... Этак можно инфаркт заработать, совсем как у Пашки... вот только нет больше никого, кто бы мог устроить гонку на выживание в сторону больницы. Вообще ничего не стоит делать, а стоит посидеть и подумать, что я такое мог вчера увидеть. Или что мне могло померещиться...»

И он стал думать.

6

«Итак, что мы имеем? Немного: человек исчез (утонул?) на глазах у другого, видевшего при этом непонятный объект, предположительно органического происхождения.

Факт второй: еще один человек спустя неделю видел нечто похожее, видел нечетко, на грани восприятия. Причем независимым данное наблюдение назвать нельзя – это то, что именуется коррелированным наблюдением: информация о том, что якобы видел первый свидетель, вполне могла настроить подсознание на то, чтобы углядеть нечто подобное...

Стало быть, явление может иметь либо объективную, либо субъективную природу.

Но внушаемостью я никогда не страдал и, кроме того, бывал в похожих ситуациях не раз. Но никогда взбудораженное воображение не рисовало мне шею ящера на месте торчащей из воды коряги... Никогда... Но ведь все когда-то случается впервые...

Хорошо, примем с наибольшей долей вероятности, что *нечто* там было, нечто совершенно независимое от сознания. Но ведь тут вполне может оказаться и не живое существо, а неодушевленный объект... или достаточно редкое явление природы...»

Котелок закипел. Лукин отлил часть кипятка в кружку, бросил туда пакетик растворимого кофе, опустил в котелок брикет концентрата и снова задумался.

Про такие явления природы он в досталь наслушался на семинарах и конференциях, куда его наперебой стали приглашать после африканской экспедиции и выхода книги...

Там обязательно присутствовали несколько ученых мужей, обремененных степенями и защищающих интересы позитивистской науки от метафизических поползновений... Многие их изящные теоретические построения вполне применимы к случаю с Валерой.

Например: в донном иле гниет бревно-топляк, гниет долго, десятилетиями, внутри все сгнило в труху и наполнилось газами – продуктами разложения древесины, снаружи все поры и трещинки коры тоже облеплены пузырьками, как облеплен ими кусочек плавающего в шампанском шоколаде. . . И вот в один непредсказуемый момент подъемная сила газов разрывает вязкие объятия ила и бревно торчком, с шумом и плеском выскакивает на поверхность. . . и опрокидывает чисто случайно оказавшуюся над ним лодку. . . и бьет по голове невезучего Валеру. . . после чего газы выходят, полость заполняется водой и топляк мирно возвращается на дно – догнывать.

Красивая версия.

Одна беда – чисто кабинетная, придуманная человеком, в жизни не видевшим, как гниют на дне топляки: кора сгнивает и отлетает первой, а древесина уплотняется, становится тяжелее воды и никаких полостей в ней не появляется.

Автор идеи наверняка видел старые упавшие стволы лишь в *лесу* – снаружи кажущаяся крепкой кора, а внутри сплошная труха.

Или вот еще одна придумка: большая каверна, придонная полость, заполненная опять же газом. Рано или поздно купол каверны разрушается и громадный пузырь вырывается на поверхность. . . Такой пузырь может опрокинуть легкую лодку, а образовавшийся, когда вода хлынет на место вышедшего в атмосферу газа, водоворот вполне способен затянуть лебедя. . . Или человека.

В такой версии видимых изъянов нет, геологи подтверждают: да, донные каверны явление не уникальное. Но, но, но. . . Подобный нарыв зреет на дне долгие сотни лет, и много их на одном участке дна быть никак не может. Лопнувшей каверной можно объяснить явление *однократное*, если же феномен наблюдается достаточно часто – надо искать другую разгадку. . .

7

Концентрат напитался кипятком, разбух и превратился в малоаппетитное блюдо быстрого приготовления. Лукин уныло хлебал получившееся варево (в рекламных роликах оно казалось вкуснее) и вспоминал, как просто и до обидного банально раскрылась загадка озера Кок-коль, много веков знаменитого своим “айдахаром” – в переводе “гигантским змеем”.

Кто только не наблюдал айдахара – и неграмотные кочевники, и высоколобые деятели науки, а разгадал тайну в восемьдесят четвертом году второкурсник биофака Гриша Сегодеев, энтузиаст, прошедший по большому конкурсу на место подсобного рабочего в очередную экспедицию за неведомым.

Айдахар из воды показываться не любил, а имел обыкновение плавать у самой поверхности, возмущая ее извивами громадного двадцатиметрового тела. Иногда, если наблюдатель находился достаточно близко, он мог смутно увидеть сквозь толщу воды и самого загадочного реликта.

Запротоколировав и даже зафиксировав на пленку четыре встречи с айдахаром, участники экспедиции с жаром обсуждали природу загадочного существа: гигантский угорь? водяной уж-переросток? невесть как очутившаяся здесь анаконда? существо, вообще науке не ведомое?

А Гриша выступил с оппортунистической и выпадавшей из общего настроения версией. Это просто необычные возмущения атмосферы, утверждал Гриша. Сильно сужающееся к выходу ущелье, соединяющее котловину озера с Каракыстакской долиной, служит генератором сложно закрученных потоков воздуха, создающих интересные эффекты на водной глади, а смутно видимое порой существо – игра воображения и преломляемых взбаламученной водой солнечных лучей. . .

Гришу (которому полагалось скромно помалкивать в споре корифеев криптозоологии) подняли на смех. Но он оказался упрямым пареньком – отшагал десять километров туда и десять обратно, купил в ближайшем поселке на свои деньги несколько дымовых шашек, предназначенных для окуривания плодовых деревьев. И потребовал проведения эксперимента в день, по его мнению подходящий по погодным условиям...

Опыт чуть не закончился провалом: вонючий буро-зеленоватый дым стелился над берегом и разносился ветром, но ничего необычного в поведении воздушных потоков не было; Гриша не сдавался и зажигал шашки все в новых местах берега. И наконец, на предпоследней шашке, они увидели: дым словно уплотнился вертикальным клубком, завертелся, превратился в миниатюрный смерчик и сложным зигзагом двинулся над озером, постепенно набирая силу... Через пару сотен метров на поверхности появился характерный след айдахара, в точности повторяющий путь смерчика...

Тайна раскрылась, но лавров победителя Гриша не пожал – наоборот, в оставшиеся дни и на обратной дороге все его как-то сторонились, испытывая непонятное чувство неловкости.

Как бы сейчас хотелось Лукину, чтобы рядом был Гриша Сегодеев – мрачный, спокойный и не склонный к рефлексии... Но Гриша получил распределение в знаменитый Сухумский питомник, работал с обезьянами и спустя семь лет (когда и от Сухуми и от питомника мало что уже оставалось) погиб в бою под городом Гудаутой.

8

«Все это интересно, но совершенно не в тему... Ладно, товарищ Лукин, давайте на сем явления неодушевленной природы отодвинем в сторону и займемся привычным делом – попробуем вычислить, что за зверюшка могла тут завестись...»

Мысли его прервал мощнейший всплеск, показавшийся в утреннем безмолвии оглушающим. Лукин вскочил, расплескав недопитый кофе, и уставился на озеро.

С прибрежных холмов туман уже унесло утренним ветерком, но поверхность скрывалась под рваными белыми клочьями. Он ничего не смог разглядеть, сколько ни вглядывался.

На секунду захотелось бросить все к чертям, вернуться в Пудож, написать заявление куда следует – и пусть они разбираются, какая такая чертовщина поселилась у них под боком... Но никто и ни в чем разбираться не будет, и так все ясно: старый приятель отца обвиняемой сочинил чистой воды байки в ее защиту... Тем более что много лет зарабатывал на жизнь именно такими сказочками.

Он постоял, глубоко и размеренно дыша, дожидаясь, когда утихнет всплеск адреналина в крови.

Сколько раз он со снисходительностью матерого экспедиционного волка объяснял перепуганным новичкам после таких вот звуков, что вода имеет обыкновение подмывать корни прибрежных деревьев; и они, деревья, довольно часто падают с оглушающим шлепком – так что не стоит впадать в мандраж и принимать каждый всплеск за плюханье неизвестного чудища...

Все так, только вот берега залива абсолютно безлесы, а звук от спускающихся к воде в паре километров отсюда елей, упави вдруг одна из них, ну никак не мог быть таким громким.

«Щука, – подумал он неуверенно, – здоровенная пудовая рыбина... Обычно такие крупные у поверхности за мальком не плещут, охотятся на крупную рыбу и на изрядной глубине... Но эта выбросилась зачем-то из воды и шлепнулась обратно... А звуки в тумане на редкость странно разносятся...»

Он вынес из палатки двустволку двенадцатого калибра и патроны.

Патронташ оказался закрытого типа, из трех подсумков.

Лукин откинул кожаную крышку одного – во всех гильзах виднелись тупые носики жака-нов. И во втором, и в третьем подсумках тоже самое – ни дробы, ни даже картечи Паша с собой не захватил, лишь пули. Понятно...

Похоже, старый друг поверил словам дочери абсолютно и замышлял эффектную концовку в стиле Перри Мейсона: процесс, обвинитель топит Ларису за попытки уйти от ответственности с помощью бредовых историй – и тут Паша с Лукиным, кряхтя, втаскивают в зал суда громадную отрубленную башку только что застреленного ящера – всеобщее остолбенение и неизбежный хеппи энд.

Лукин переломил ружье, вложил патроны, закрыл, поставил на предохранитель.

И решил постоянно держать под рукой.

III. Озеро: Тварь

1

Лукин ненавидел бывать в деревушках, помеченных на карте мелким курсивом в скобках: (*нежил.*).

Даже свежесожженные селения (приходилось видеть в Африке и такие) не производили на него столь гнетущего впечатления, как медленно ветшающие дома с заколоченными окнами, покрывившиеся заборы, заросшие небывало густой крапивой огороды...

Он медленно шел по главной и единственной улочке деревни и сам не понимал, что он здесь ищет.

Отпечатки огромных лап на высохшей до железобетонной твердости грязи? Или следы укусов гигантских челюстей на потемневших досках и бревнах? Не нашлось ни следов, ни отпечатков...

И на всем протяжении нескольких километров между его стоянкой и деревней не нашлось – он добирался сюда почти три часа, самым внимательным образом исследуя все полого спускающиеся к воде участки берега и подолгу осматривая в бинокль заросли камыша и озерную гладь...

Ничего.

Нашел в одном месте следы ходивших на водопой лосей и каких-то еще мелких зверьков – и все. Если в озере и обитало НЕЧТО, то на берег оно предпочитало не высовываться. И следов пребывания людей он тоже не обнаружил. Похоже, Лариса с Валерой оказались первыми за много лет посетителями заброшенного уголка...

«И понес же черт их именно сюда, – подумал Лукин с неожиданной злостью, – карта вся пеэстрит такими вот озерами, наверняка есть не менее красивые, так ведь нет...»

Он мысленно перебирал огромное количество фактов, старательно просеивая все, что помнил из своего огромного архива.

Много лет Лукин собирал любые сообщения о загадочных случаях, имевших место на озерах и реках разных широт: наблюдения за непонятными явлениями, сильно смахивающими на неизвестных науке существ; таинственные следы на берегах; загадочные нападения на домашних животных и странные исчезновения людей.

Только в последние годы он перестал пополнять свою коллекцию, перекочевавшую из набитых письмами и вырезками папок в компьютерные файлы, – с тех пор как по страницам желтой прессы запорхали сенсационные утки, авторы коих использовали в качестве неиссякаемых источников сведений исключительно потолок и собственный палец...

Лох-Несское диво и его младших братьев Лукин отмел сразу.

Их немало, многие курортные местечки стараются обзавестись на своих озерах чем-либо похожим. Но все они: и шотландская Морри (младшая сестричка небезызвестной Несси, будто бы живущая в Лох-Мораре, и, похоже, не выдержавшая конкуренции с родственницей в схватке за кошельки туристов); и канадские Ого-Лого и Поуник; и американский Шамп, и скримслы, которыми могло похвастаться почти каждое уважающее себя скандинавское озеро – так вот, все мифические гиганты нравом отличались на редкость кротким. Даже на многочисленных сувенирах, проспектах и календарях они отнюдь не скалили кровожадно зубы, наоборот, имели вид вполне дружелюбный, не способный отпугнуть туристов перспективой гибели на клыках ожившего мифа...

И, конечно, ни одного свидетельства о нападении живых легенд на людей в архиве Лукина не хранилось.

Но имелись в его коллекции и другие случаи – загадочные, кровавые, некоторые так и не разгаданные...

Значительная часть их была связана именно с ящерами. Не с заплутавшими меж времен динозаврами – с вполне реальными крокодилами, аллигаторами, гавиалами.

Твари эти отличаются большой подвижностью как на воде, так и на суше, а также врожденной тягой к путешествиям. И порой обнаруживаются в краях, где их появления никто и никак не ожидает (жители районов, в которых заведомо обитают подобные рептилии, приближаются к воде с куда большей осторожностью).

А еще порой аллигаторы и их собратья оказываются в совершенно не подходящих для них местах не путем естественных миграций, но случайно: сбегают из зоопарков и зверинцев или выбрасываются хозяевами, разочаровавшимися в экзотичных любимцах... И встречи ничего не подозревающих граждан с оголодавшими беглецами завершаются весьма печально.

Но подавляющее число таких историй произошло отнюдь не на севере Европы – за океаном, в Америке и в других теплых краях.

При всем напряжении фантазии Лукин никак не мог представить, как *такое* могло оказаться здесь: зоопарки и цирки по здешним берегам никогда не путешествовали, и в окрестностях не наблюдалось новорусских вилл, в бассейнах которых мог бы обитать ящер, способный напасть на человека...

Хотя, хотя, хотя...

Лукин смутно помнил, что на похожем глухом озере в Псковской области лет двадцать или двадцать пять назад несколько сезонов проводился эксперимент по выживанию крупных приматов, шимпанзе и горилл, в наших условиях.

На остров (волосатые родственники человека плавать почти не умеют) весной выпускали партию обезьян, и до осени они существовали под наблюдением ученых исключительно на подножном корму.

Все шло хорошо, аборигены знойной Африки быстро переключились с бананов на ягоды, орехи и грибы, ловили и ели лягушек, личинок и улиток. Уже шли разговоры о попытке оставить часть зверей на зимовку – шерсть достаточно густая, живут же в Японии обезьяны в зоне вечных снегов.

И тут случился казус: с острова бесследно исчезла пара горилл...

О похищении речь не шла, горилла сама кого хочешь похитит – не то парочка самостоятельно освоила нехитрое искусство плавания, не то использовала в качестве плота прибитое ветром к острову большое дерево. Эксперимент быстренько свернули, а по ближайшим районам много лет гуляла, на радость любителям нездоровых сенсаций, легенда о диких и волосатых лесных людях...

Лукин достал блокнот и записал быстрым почерком: “Проверить, не было ли на озере ученых? Чем занимались?”

2

Подсознательно ему хотелось, чтобы давящая на психику деревня оказалась покинутой из-за происшествий с местными жителями: бесследно исчезавшая скотина, непонятным образом опрокидывающиеся при тихой погоде лодки или еще что-либо подобное.

Это могло бы дать хоть какой-то след в его слепых поисках.

Но действительность (Паша успел рассказать в их первый и последний совместный вечер на озере) была проще и грустнее.

Деревня умирала постепенно: сначала укрупнили совхоз, затем закрыли школу и амбулаторию – молодые, кто с детьми, поневоле потянулись в поселок, на центральную усадьбу; оставались доживать старики, а их становилось все меньше; магазинчик работал сначала три

дня в неделю, потом день, потом поехала один сезон автолавка – и это прекратилось; электроветку, обрывавшуюся часто по зимнему времени, до весны не чинили – дорогу не чистили, машине монтеров не пробиться...

И оставшиеся старики съехали помаленьку к цивилизации поближе, в поселок; одно время наезжал кое-кто на лето, потом перестали – дорога почти непроезжая, электричества нет, телефона нет, магазина нет...

Остался труп, разлагающийся труп когда-то живого места.

Пашка говорил, что даже охотники, забредавшие сюда про осеннему времени, избегали постоя в заброшенных домах: дескать, в оставленном людьми жилье быстро заводятся и слишком вольготно чувствуют себя жильцы *другие*...

Чепуха, конечно, но он почувствовал нешуточное облегчение, выехав наконец из деревни.

Дальше вдоль озера дорога шла абсолютно никакая – похоже, и в лучшие времена никто, кроме тракторов и лесовозов, по ней не ездил. Пришлось почти сразу включить второй мост, но трижды и это не помогало – Лукин вылезал из кабины, нарубал в окрестных зарослях жерди и мостил импровизированные гати – родники дальнего берега, за деревней вовсе уж низкого и болотистого, не смогло иссушить даже нынешнее небывало жаркое лето...

Топор легко вгрызался в податливую древесину ольховой поросли – работа чисто механическая, руки делали все почти без участия сознания и Лукин продолжил свои прерванные визитом в мертвую деревушку дедукции.

Следующим пунктом повестки у него шли рыбы.

Вообще-то люди едят рыб гораздо чаще, чем рыбы людей.

Но в этом правиле, как и во многих других, встречаются исключения – есть уголки, где люди составляют преимущественную пищу некоторых рыб. На иных островках Океании земля в большом дефиците, под кладбища свободного места нет – хоронят в океане, на радость прибрежным акулам. В бухтах, служащих местом упокоения аборигенов, акулы разжиревшие и ленивые (их не ловят – табу!) и к добычанию другой пищи уже не способные.

3

Акулы...

Это вариант, это уже *версия*. Лукин хорошо знал, как в крохотном мозгу морских хищниц порой что-то закорачивает, и в результате их охватывает непреодолимая страсть странствовать по пресным водам.

Несколько лет назад два американца вышли на речку половить рыбки (а если говорить начистоту – побраконьерствовать лосося). Финал ловли удивил – гигантская рыбина накрутила на себя несколько перегораживавших речку сетей и, с огромным трудом вытасченная на берег, оказалась белой акулой почти в тонну весом. Самое любопытное в том, что эпопея происходила на речке шириной не более двадцати метров и на расстоянии почти полутора сотен миль от атлантического побережья. Власти, кстати, не стали затевать иск о браконьерстве; больше того, вполне представляя, что могла натворить такая зверюшка с ничего не подозревающими людьми, отдыхавшими на речке, – даже выписали премию ловцам для компенсации изодраных снастей.

Не всегда подобные истории заканчивались удачно.

Известный ловец акул капитан Янг в своей книге упоминал кровавую драму, развернувшуюся на другой небольшой реке, опять-таки в США. Там были жертвы – рыбак (его лодку, кстати, тварь тоже опрокинула!), несколько купавшихся мальчишек и собака; в конце концов акулу изловили, и большей части нападений вполне удалось бы избежать – но никто не сумел сразу поверить, что в их речке могло завестись *такое*...

«Вот это очень похоже... – думал Лукин. – Не фантастика типа “Легенды о динозавре”... Замкнутых озер здесь мало, почти все сообщаются между собой протоками или речками, – и имеют водную связь с морем. Правда, в наших северных морях акулы с репутацией людоедов редко встречаются... так ведь и купальщиков не густо, не Австралия. Но сельдевая акула вполне обычное дело – режет, как ножом, сети, ворует рыбу, промысловики ее ненавидят... На человека вроде не нападает, но профессионалы считают потенциально опасной *любую* акулу длиннее метра. Если такая четырехметровая рыбка, или несколько рыбок, умудрились сюда просочиться... привычной пищи нет... могли вполне напасть на лебедя... и на человека. Значит тварь (твари?) голодная. Значит поймать ее можно... при наличии необходимого оснащения...»

Лукин живо представил картину: узик медленно подруливает к районной прокуратуре, сзади на импровизированной волокуше тащится огромная туша, вычерчивая зигзаги в пыли слабо конвульсирующим хвостом.

А потом, когда все для Лариски благополучно закончится, огромная голова, высушенная и залакированная, украсит стену его кухни, среди навеки оскалившихся щук, судаков и тайменей – и они сразу покажутся мелкими и несерьезными.

Это будет рекорд мира для пресноводных водоемов: в полном смысле во-о-о-от такая! Удочку можно будет сломать о колено, поставив ногу на голову побежденного монстра – крупнее все равно в жизни не поймаешь.

4

Дорога, пусть и плохая, закончилась – уперлась в канаву глубиной метра два с лишним, с крутыми откосами. Наводить переправу еще и здесь Лукин не собирался, до вытекающего из озера потока оставалось меньше полукилометра, он решил прогуляться пешком. Достал из машины удочку и спиннинг – ему хотелось все же отведать ухи, пакеты быстрого приготовления также быстро и надоели. Ружье на всякий случай прихватил с собой, закинув на спину...

Дошел он минут за двадцать, рыбалка не задержала – с этого берега тоже абсолютно не клевало. На блесну позарился единственный окунек-маломерок, отпущенный Лукиным обратно в озеро...

«Интересно, связано бесклевье как-то с моей гипотезой?.. Сколько надо акул, чтобы серьезно обезрыбить озеро таких размеров?.. Не похоже... тут что-то другое... Какая-нибудь магнитная буря, отбившая рыбам аппетит дня на три, они на такое чутко реагируют...»

Течение в вытекавшей из озера протоке оказалось довольно быстрым, а ее размеры вполне подходящими – легко могла прокрейсировать и оказаться в озере хоть двадцатитонная китовая акула. Китовые, правда, на людей вроде не нападают... Ниже по течению доносился ослабленный расстоянием шум воды (порог? пережат?) и Лукин отправился на звук, продираясь сквозь густой прибрежный подлесок, никаких троп здесь не осталось.

Там шумел водопад, невысокий, метра два с половиной, но живописный – за ним поток резко замедлял свой бег и разливался на болотистой низменности поросшим осокой озерцом, на карте не обозначенным.

«Вот так... И никакая акула тут не проплывет вверх по течению. Хотя... для лососей такой водопад не преграда, они запрыгивают и на более высокие...»

Перед глазами встала совершенно живая картина: вода внизу, под водопадом, в вымытой падающей струей яме внезапно вскипает, огромная четырехметровая серая туша взлетает в воздух и с шумом и фонтаном брызг хлопается уже наверху, по другую сторону преграды.

Он спустился вниз, куда падала струя и понял, что нарисованный воображением прыжок нереален – яма буквально набита попадавшими сверху корягами и топляками, вблизи виднев-

шимися сквозь воду. Сразу за ямой река мелко струилась по гальке, он легко перешел ее вброд в сапогах, не замочив ног.

Ну вот, придется акул из списка возможных разгадок вычеркнуть.

Сценария для очередных “Челюстей” тут не будет. Заодно можно вычеркнуть китов-убийц, косаток-людоедов и прочих морских млекопитающих. Кроме, пожалуй, ластоногих. Те могут обползти водопад и вполне способны к обитанию в озерах, в иных даже живут постоянно: в Ладоге, в Байкале... И, некоторые, по крайней мере крупные, тюлени охотно подкрепляются водоплавающими птицами.

Но нападение на человека. сомнительно. Мутант-людоед? Еще более сомнительно. Да и не мог подолгу наблюдавший за озером Лукин не заметить тюленей – они и на берег выбираются, и на поверхности появляются достаточно часто...

Делать нечего, надо искать другое решение.

...Рыба ниже водопада, в маленьком заросшем озерце клевала отлично, хотя солнце еще только начало клониться к закату.

Бойкие шурята и некрупные окуни, казалось, выстроились в очередь за блесной – отроду не виданной ими металлической игрушкой. А спустя час, когда Лукин собрался уже уходить, поплавок, неподвижно стоявший у края зарослей, лег на бок и неторопливо поплыл в сторону. Лукин подсек и осторожно вытащил на низкий берег упорно сопротивлявшегося леща не менее двух килограммов весом. Он глядел, как рыбина лениво шевелит жабрами, и в голове у него медленно созрел план – смутный, пока не оформившийся план.

Лукин завернул в намоченную рубашку слабо возражавшего леща, натянул энцефалитку на голое тело, закинул за спину двустволку... Подхватил удилица, мокрый сверток и связку остальной рыбы и поспешил к уазу.

Завел двигатель и неприятно удивился, бросив взгляд на указатель топлива. Запрокинув над горловиной бака двадцатилитровую канистру, подумал, что завтра надо будет съездить в Пудож: запастись бензином, позвонить кое-кому в Москву, попытаться кое-что разузнать про здешние места.

Но сначала, с утра, он попробует реализовать свой план.

5

Ожидая, когда чуть остынет котелок с аппетитно пахнувшей двойной ухой, он снова перебрал в уме все свои сегодняшние выкладки.

Неувязок пока не видно, известные факты не оставляли места для реликтовых ящеров и незваных морских пришельцев – надо искать что-то свое, местное, пусть и очень редко встречающееся... Либо выросшее до гигантских размеров. Все опять сходило на огромной рыбе, а единственная рыба наших пресных вод, известная хоть и редкими, но не уникальными нападениями на человека – это сом.

Среди побежденных Лукиным речных и озерных гигантов сомы как-то не встречались – может потому, что в местах, где ему доводилось ловить, усатые донные хищники максимальных своих габаритов не достигали. Даже на Балхаше, казалось, сомами кишевшим, самые большие выловленные им экземпляры тянули килограммов десять-двенадцать – по сомовьим масштабам маломерки. А вес и размеры настоящих гигантов измерялся метрами и центнерами.

На совести медлительных (относительно, конечно) монстров, гонятся за рыбами уже не способных, числились и собаки, и пришедшая на водопой скотина, и вообще любая переплывающая водоем живность.

И люди – чаще всего купающиеся дети.

После каждого такого случая на сома-людоеда начиналась самая беспощадная охота, где речь уже не шла о разрешенных и запрещенных снастях, сроках и способах ловли – и люди не успокаивались, пока не уничтожали усатого убийцу.

Образ действий здешней твари подходил для сома как нельзя лучше – Лукину приходилось видеть, как некрупные сомики хватают с поверхности воды зазевавшихся утят – в истории с лебедями все повторилось один к одному, за исключением масштаба.

Но была и одна загвоздка.

Сом рыба теплолюбивая, и, чем дальше к северу, тем меньших размеров достигает – и между 60-й и 65-й широтами (в зависимости от местных климатических условий) перестает встречаться. Находка усача столь гигантских размеров здесь, среди северной тайги – явление уникальное.

«А кто говорит, что мы имеем дело с чем-то обыденным? – подумал Лукин с неожиданной злостью, неизвестно кому адресованной. – Это, черт возьми, не более уникально, чем не пойми откуда взявшийся звероящер или заглянувшая на променад акула-людоед...»

Он закончил хлебать отменно вкусный бульон (по местному – юшку) и нацелился на разварившуюся рыбу.

И тут ему в голову пришла еще одна мысль. Он взял в руки голову шуренка (положенную в котелок еще в первый заклад, для навару, а потом извлеченную) и осторожно развел, насколько смог, челюсти. Заглянул в глотку и попытался прикинуть размер щучины, способной проглотить взрослого человека.

Огромными щуками, в отличие от сомов (а также акул, крокодилов и динозавров), Север славился...

6

Утро вновь выдалось туманным и прохладным.

На сей раз, наученный горьким опытом, Лукин ночевал в спальнике, не мерз, и никакие кошмары его не мучили. Он встал, позавтракал (вчерашняя уха превратилась за ночь во вкуснейшее заливное); поскреб ногтем седеющую четырехдневную щетину и решил отращивать бороду; больше ничем заниматься не стал – ему не терпелось осуществить свой вчерашний план.

Просторный садок болтался в воде, привязанный к чахлому, приютившемуся среди прибрежных камней кусту. Лещ за ночь набрался сил и отдохнул после вчерашней нелегкой дороги, проделанной им в тесном бачке из нержавеющей стали – рыбина держалась в воде прямо, не пытаясь завалиться на бок, и достаточно бодро шевелила хвостом, плавниками и жабрами...

Лукин отнес садок подальше от воды и осторожно продел под жабры леща крючок своей диковинной, слаженной вчера снасти.

Огромный двойной крючок, габаритами не меньше якорька для легкой лодки, был наскоро выгнут из мягкой, тонкой проволоки и не имел зазубрин – хищника, соответствующего размерам живца, такая снасть удержать никак не могла. Спиннингом Лукин рисковать не стал, укрепив запасные кольца на срезанную вечером рябиновую жердинку. катушкой служил мощный мультипликатор, оснащенный тремя метрами прочнейшего плетеного шнура – вещь исключительно для морской ловли, прихваченная им после сбивчивого телефонного рассказа Паши.

В сборе снасть смотрелась на редкость удивительно.

«Надо послать конструкцию в журнал “Рыболов”, – подумал он, – универсальная снасть для проверки наличия в водоеме питающихся человечиною чудищ, оригинальная авторская разработка Игоря Лукина, все права защищены...»

Лещ стоял у берега, недоуменно двигая жабрами, и не верил неожиданной свободе. А потом с удивительной для толстого неуклюжего тела скоростью рванул золотистой молнией в глубину. Мультипликатор, который Лукин забыл смазать, протестуяще взвизгнул.

Это была самая удивительная ловля на живца в его жизни – на огромного, двухкилограммового живца, превышающего размерами среднюю добычу столичных кружочников и жерличников.

Лещ несколько раз пытался пойти вдоль берега, но Лукин пресекал его попытки, поворачивая на прежний курс осторожным натяжением лески. Наконец, примерно в полутора сотнях метров от берега, живец прекратил свое движение вглубь и плавал туда-сюда почти на одном месте, постепенно сдвигаясь влево. Лукин решил, что расстояние достаточное, лодка Валеры опрокинулась еще ближе к берегу.

Монотонное занятие продолжалось почти час: он то подматывал, то отпускал леску, стараясь держать ее натянутой. И ежесекундно ожидал, что лещ панически задергается, когда на него надвинется там, в придонном сумраке, громадное НЕЧТО.

Но лещ не дергался, тянул спокойно, и Лукин понял, что опять ошибся – или тварь (твари?) не избрала местом обитания именно этот залив, или она не питалась рыбой, или, чем черт не шутит, жила только в его воображении, растревоженном сказочкой Ларисы...

Лещ не метался в испуге – сокрушительный рывок согнул удилище в дугу, оно хрустнуло и следующую долю секунды было буквально выдрано из рук. Казалось, что за рыбацью снасть случайно зацепилась субмарина и спокойно проследовала дальше своим курсом...

Лукин оцепенело смотрел на мирно покачивающееся у берега удилище, точнее сказать, на два его обломка – они не шевелились и все происшествие, мгновенное и неожиданное, уже казалось наваждением, спонтанной судорогой в напряженных руках.

Он медленно наклонился, подтянул к берегу свой рябиновый спиннинг за привязанную к комлю страховочную веревку и попытался смотать безвольно провисшую леску – не получилось, ручка мультипликатора намертво заклинилась – пришлось выбирать руками; прочнейшая плетенка лопнула примерно посередине.

Конечно, он не надеялся вытащить тварь – лишь оценить за несколько секунд, пока не разогнулся мягкий и тупой крючок, мощь ее рывков и, может быть, при удаче найти на пластичной проволоке следы зубов – реальную улику, позволяющую сделать хоть какие-то выводы. Ну что, мощь он таки оценил...

«Одним ударом сломать удилище, заклинить катушку и оборвать леску... да-а-а, такое надо суметь... Обычно рвется или ломается одно, самое слабое звено снасти... если б я привязал страховочный конец к поясу, а не с камням, и крючок был бы настоящим... хорош бы я оказался, хорош и, вполне возможно, вкусен...»

Тут он вспомнил про динамит.

Нет, конечно, не про динамит – главное изобретение старины Нобеля давно уже не в ходу – про десяток тротильных шашек, спрятанных в укромном уголке машины (детонаторы и шнуры Лукин унес от греха подальше в палатку).

Глушение реликтовых ящеров взрывчаткой как-то не входило в арсенал методов исследований, которым он посвятил треть жизни, – и шашки напрочь вылетели из головы. А ведь если связать их вместе и если тварь далеко не уплыла, то можно легко и просто объяснить ей, что на каждую подводную лодку найдется своя глубинная бомба...

Озеро от мощнейшего подводного взрыва спас простой и неприятный факт, хорошо известный Лукину – всплывает обычно не более десяти процентов глушеной рыбы, причем самая крупная, как правило, тонет. Но задачей было не убить монстра, а явить добычу пред очи изумленной общественности... Нырять же за оглушенной тварью он не стал бы и под дулом пистолета, даже при наличии акваланга...

«Стоп! – сказал себе Лукин. – Акваланг... здесь ведь довольно долго ныряли два аквалангиста... и ничего странного с ними не произошло... черт, это ломает всю схему... Или они не заходили в воду, а просто написали в отчете, что искали тело и не нашли? Еще одна загадка...»

7

На сей раз он собирался в город неторопливо и обстоятельно.

Сложил все имущество в палатку, самое ценное забрал в машину, поглядел еще раз на озеро, совершенно очистившееся от тумана. И не спеша порулил знакомой дорогой.

По пути предстояло решить главный вопрос: как распорядиться полученной информацией?

К стражам порядка идти не с чем. Что мог он им предъявить: сломанную палку и оборванную плетенку, способную корчевать подводные пни? Нет, туда стоит отправляться с трофеем; но вопрос в том, как трофей раздобыть.

Попробовать в одиночку? После утреннего фиаско у Лукина созрел план, но – рискованный, очень рискованный... Только голливудские чудища спокойно открывают пасть и позволяют герою запихать туда кабель высокого напряжения, или гранату с выдернутой чекой, или лодочный мотор с бешено вращающимся винтом.

Попробовать отыскать сподвижников на такое дело? Кого? Насчет властей все понятно... Друзья Пашки? Слишком долго они не встречались, Лукин не знал никого из нынешних... хотя нет, кого-то Паша упомянул в связи с чем-то... но вроде то был не друг, коллега по работе и на такую авантюру едва ли согласится...

В принципе, в Москве можно поискать энтузиастов охоты за реликтами, но потребуется время, которого нет... За шесть-семь лет, с тех пор как Лукин отошел от криптозоологии, почти всех былых соратников он потерял из вида, а тварь не станет услужливо ждать под одним и тем же бережком.

Последний вариант – найти компаньонов среди здешних рыболовов и охотников, у них обычно хватает любителей острых ощущений, а про монстра-людоеда трубить не обязательно... Рассказать, что на озере обнаружен экземпляр сома, достойный книги Гиннеса (или щука невообразимых размеров) и, вполне возможно, добровольцы для поимки найдутся.

Но было еще подсознательное желание – сделать все самому, настоящий поединок бывает один на один, много ли чести завалить хищника на облавной охоте – зверя, выслеженного егерями и подставленного тебе под безопасный, с вышки, выстрел толпой загонщиков. К чертям, пусть так охотятся престарелые президенты и генсеки, Лукин слишком много лет искал именно *это*, чтобы вот так спокойно отдать в чужие руки.

Он удивленно отметил про себя странный факт – как на редкость быстро прошел шок от осознания себя сказочником, совершенно неожиданно оказавшимся в эпицентре событий собственной сказки – страшной и кровавой сказки.

Как бы, интересно, отреагировал Герберт Уэллс, если бы углядел из окна своего викторианского особняка приземлившихся в собственном его парке кошмарных осьминогов-марсиан? Или, мирно потягивая сигару у камина, почувствовал бы на глотке жесткие и холодные пальцы человека-невидимки?

Лукин же чувствовал азарт – азарт охотника, после многодневных бесплодных скитаний по саванне увидевшего наконец у водополя свежий след львиной лапы... И не думающего, что как раз сейчас из зарослей за ним могут следить немигающие желтые глаза...

IV. Город: Маркелыч и другие

1

Телефонная связь приятно удивила.

Лукин по привычке ждал, что придется, надрывая связки, орать в трубку, прикрывая свободное ухо от воплей других граждан, пытающихся докричаться до далеких родственников. Что придется с трудом разбирать в ответ неразборчивое, как сигналы иных цивилизаций, бормотание собеседника.

Но слышимость оказалась идеальная, словно слегка удивленный голос Володи доносился по проводам не из Москвы, а из соседней комнаты, максимум – из соседнего с главпочтамптом дома... Володя Дземешкевич – старый знакомый, почти единственный из круга общения Лукина, бывший “на ты” со всякой сложной электрикой и электроникой...

В свое время Володя внес немалую лепту в развитие советской криптозоологии. Сам в экспедиции, впрочем, не выезжал. Но изобретенные и собранные им приборы обязаны были реагировать на всевозможные возмущения, вызываемые проплывающим (или проходящим) мимо монстром – и зафиксировать чудо природы на сверхчувствительной пленке...

Ничего сногсшибательного, конечно, техника Дземешкевича не запечатлела, но отнюдь не по его вине – аппаратура работала безупречно даже в руках далеких от техники гуманитариев... Импортные аналоги самоделок стоили десятки и даже сотни тысяч долларов, но Володя работал над темой на чистом энтузиазме и брал с небогатых криптозоологов лишь стоимость деталей...

Сейчас Лукин детально, не считаясь с набегавшим временем и тарифами, объяснял Дземешкевичу, какой прибор он ждет от него на сей раз.

– Все понятно, ничего особо сложного, все схемы стандартные... но мощность ты прошишь... хе-е... – Володя помолчал и наконец решился задать вопрос. – Игорь, слушай, неужели ты все-таки...

Он не договорил, но Лукин прекрасно понял, что он имел в виду.

– Да. Шанс большой... Но без твоей помощи мне его не зацепить. Когда будет готов аппарат?

– Ну-у-у... Сегодня суббота, если в понедельник начать... где-то к следующим выходным можно будет вам отгрузить... У вас там станция, грузобагаж принимающая, есть рядом?

Лукин закусил губу. О том, что сегодня суббота, он, напрочь выпавший на озере из обычного хода времени, даже и не вспомнил.

– Послушай меня внимательно, Володя. Я никогда не давил по срокам, но сегодня вопрос стоит о жизни и смерти – в самом прямом смысле слова. И одна, как минимум, смерть уже была. Подумай, что тут можно сделать: радиотолкучки по выходным работают, и у вашего брата-технаря с деньгами зачастую не густо – найми помощников, сколько надо; если есть другие заказы – отложи, все неустойки я покрываю... Аппарат был позарез нужен еще сегодня утром. Поэтому не скупись, обещай людям любые надбавки за срочность. А теперь подумай и назови реальный срок.

Лукин говорил жестко, командным тоном. Он знал, что Володя человек мягкий и уступчивый, неспособный сопротивляться такому давлению; знал – и никогда этим не пользовался. До сегодняшнего разговора...

Теперь Дземешкевич молчал гораздо дольше, что-то про себя прикидывая и рассчитывая. Лукин ждал, нервно барабанив пальцами по стеклу телефонной кабины.

– Во вторник вечером, – ожила примолкшая трубка. – Раньше никак не справиться. И будет дорого – придется брать готовые импортные узлы, искать что подешевле некогда... И как вам пересылать при такой спешке?

– Не говори “вам”, Володя. Я сейчас один, совсем один... О пересылке не думай, прилечу и все заберу сам. Сколько это примерно будет весить?.. И стоить?..

Володя назвал две цифры.

– Отлично, – сказал Лукин, не выдавая неприятного удивления. – Значит договорились, днем во вторник я позвоню. До встречи.

«Да-а-а, тварь влетит в копеечку... – подумал Лукин. – Ладно, квартира есть, машина есть, дети взрослые и зарабатывают больше родителей... Ни к чему долларовые заначки по большому счету. А если прикинуть, сколько я истратил за всю жизнь на снасти, лодки, оружие, патроны, – получится в несколько раз больше. Незачем считать расходы, такой шанс выпадает раз в жизни...»

Так, теперь в гостиницу, переодеться и привести себя в порядок – некоторые запланированные встречи, пожалуй, требуют имиджа столичного журналиста, а не пропавшего костром таяжного бродяги. Потом – в больницу к Паше.

2

– Игорь Евгеньевич! Игорь Евгеньевич!

Крик догнал Лукина, когда он пересекал небольшую площадь перед больницей, направляясь к уазу – теперь машина резко контрастировала со своим выбритым, чистым и подстриженным водителем в элегантном костюме. (К Паше его не пустили, коротко сообщив – состояние удовлетворительное.)

Вслед за криком послышался торопливый топот. Лукин, поначалу не реагирующий (не такие уж у него редкие имя с отчеством), не выдержал и обернулся. Бежавший по площади мужчина был невелик ростом, тщедушен и немолод, почти ровесник. Направление его забавной трусы не позволяло усомниться, что имел он в виду именно Игоря Евгеньевича Лукина.

– Здравствуйте... едва успел... чисто случайно... мне сказали, что вы пошли к почте... думал, не успею...

Лукин поздоровался, недоуменно подняв бровь – лицо мужчины, обрамленное бородкой и очками в старомодной, под панцирь черепахи, пластмассовой оправе, казалось совершенно незнакомым. Джинсовую курточку неизвестного украшал круглый гринписовский значок, под мышкой он держал пухлую потрепанную папку на тесемках.

Незнакомец отрекомендовался Александром Завьяловым, местным экологом, тут же потребовал называть его Сашей, и продолжал не слишком связно тараторить, не давая Лукину вставить ни слова:

– Нам обязательно надо с вами поговорить... тут у меня такие материалы... я знаю, вы много писали на темы природы... да, да, я читал и статьи, и книги... Вы обязательно должны мне помочь... у нас тут заговор молчания... мафия, настоящая мафия... район на грани экологической катастрофы... никому не до чего нет дела, знают и молчат, все подкуплены... Случайно узнал про ваш приезд... сказали, что вы на почте... думал, не успею... Вам обязательно надо изучить эти материалы...

Лукин подумал, что стоя посередине площади, они с бурно жестикулирующим экологом (на голову его ниже и весящим в два раза меньше) выглядят довольно комично. И решительно направился к кафе, находившемуся тут же неподалеку. От неожиданного собеседника надо избавиться, вопросы экологии мало сейчас интересовали Лукина, – и проще всего послушать, покивать и забрать папку, якобы для изучения.

В кафе Завьялов оживился еще больше; не слушая возражений, заказал две кружки пива, себе и Игорю Евгеньевичу, и начал засыпать его информацией: кто, где и чем отравляет мать-природу в ближайших окрестностях.

Поток слов, в котором мелькали залповые выбросы, предельно-допустимые концентрации и названия западных экологических фондов, скользил мимо сознания слушателя, механически кивавшего и вставлявшего утвердительные междометия.

Эколог-одиночка казался сдвинувшимся на больном вопросе. К тому же Лукин знал совершенно противоположную вещь – район в экологическом отношении один из самых благоприятных. Предприятий, способных хоть что-то отравить, – раз, два и обчелся.

И тут сторонник зеленого мира сказал слова, моментом согнавшие расслабленное благодушие и заставившие слушать самым внимательным образом.

– Теперь о радиации... – защитник природы сделал многозначительную паузу и затеребил свою козлиную бородку, казавшуюся делом рук бесталанного гримера. – АЭС никаких, слава Богу, у нас нет, но... (снова многозначительная пауза) в восемьдесят четвертом в Пелус-озеро упал спутник “Космос-954”... Взлетел в Плесецке и грохнулся через несколько минут... Да-да, я сам говорил с людьми... многие видели, как горящие обломки летели над тайгой... и взрыв от падения слышали... Но главное не в этом...

Он сделал еще более многозначительную паузу, округлил глаза и произнес драматическим полупшепотом:

– НА БОРТУ СПУТНИКА БЫЛА ЯДЕРНАЯ УСТАНОВКА!

И снова зачастил:

– Звездные войны, помните? Тогда во всех газетах... про Рейгана и его звездные войны... А сами готовились потихоньку... всякую гадость на орбиту выводили...

«Неужели оно? Недостающий кусочек головоломки? Насколько можно доверять доморощенному экологу? Большая часть его рассказов – просто бред сивой кобылы... Но и самая глупая курица способна отыскать жемчужное зерно в навозной куче...»

А Завьялов вздохнул и твердил о собранной в окрестной тайге морошке, светившейся по ночам; о переселенных под разными предложениями деревушках; о перелетных птицах, изменивших маршруты пролета и огибающих зараженное место.

Лукин решил сблефовать, проверив эколога, и спросил с видом знатока, помнящего все номера и даты запусков советских спутников:

– Но ведь вышло сообщение ТАСС об успешном выводе “Космоса– 954” на орбиту?

– Да-да, – закивал борец за экологию, обрадованный заинтересованностью собеседника. – Тогда сообщения появлялись только после успешных запусков... и тот “Космос” на самом-то деле – 955-й!

«Если совпадение, то весьма странное, – размышлял Лукин. – До Пелусозера от *моего* несколько километров, а визуально в тайге с приличного расстояния точнее место падения и не определить... Что радиация служит толчком для всяческих мутаций, известно и школьнику. Но гигантизм и вкус к человечине... хм... Видали мы мутантов, чаще всего это зрелище не страшное, скорее жалкое. Нарушены покровы, конечности недоразвиты... Но чем черт не шутит, я в конце концов не профессионал в генетике и мутациях...»

3

От навязчивого эколога он отделался, пообещав позвонить после изучения папки.

Труднее было отделаться от впечатления, что в рассказе про канувший в озеро спутник имеется какая-то несуразность, пока не замеченная... Или даже не в рассказе, а в попытке Лукина принять его за объяснение и причину всех загадок.

И еще один момент. Плесецк расположен от озера почти точно на восток... Ракеты, насколько знал Лукин, взлетают не вертикально и не произвольно, они все отклоняются в одну сторону... что-то там связано с вращением Земли... вот только куда: на восток или на запад?... он не помнил... школьный курс, элементарщина, но все напрочь позабылось...

Лукин сидел в кабине уазика с неработающим двигателем и пытался восстановить в памяти основы космической баллистики; потом плюнул на безнадежную затею и поехал разыскивать районное общество рыболовов и охотников.

Разместившиеся в крохотной и обшарпанной одноэтажной халупе три комнаты охотобщества изнутри выглядели вполне прилично. Но их владельцы под прикрытием невинной вывески явно занимались бизнесом самого криминального плана – судя по реакции на появление Лукина симпатичной девушки лет двадцати с небольшим, из которой состоял весь наличествующий на данный момент штат администрации общества.

Девушка испугалась так, что сразу стало ясно: тут речь идет не о банальных “левых” путевках на охоту и не о растрате членских взносов... Охотничьи боссы, читалось в глазах девушки, по меньшей мере выписывали рекомендации для приобретения нарезных карабинов с оптикой на имя столетних пенсионеров, а поступали те стволы в арсеналы киллеров мафии. Вполне возможно, этим преступная деятельность местных охотников не ограничивалась, широко охватывая и другие статьи уголовного кодекса.

Лукин понял, что его костюм и дипломат сыграли роль, обратную задуманной. Гораздо больше сейчас пригодились бы сапоги и прожженная у костра ветровка – девушка приняла его за проверяющего из какой-то грозной конторы, мгновенно замкнулась и на вопросы отвечала почти односложно: председателя общества нет – в отпуске; и заместителя нет – в отъезде; и бухгалтер тоже в отпуске; и вообще никого нет, она тут одна, но ничего не знает; а все документы и печать в сейфе, ключей от которого у нее тоже нет...

Лукин, импровизируя на ходу, изложил почти правдивую легенду: он – столичный писатель и журналист, пишет о реликтовых монстрах и хотел бы поговорить с кем-нибудь из знатоков здешних отдаленных озер о бытующих, по его сведениям, в народе рассказах про разных живущих в воде чудищ. Легенда не сработала – девушка ее, похоже, просто не услышала.

Писательское удостоверение Лукина тоже не произвело ни малейшего впечатления – его напуганная собеседница осталась в убеждении, что рядом в кармане может лежать и другая корочка... Налоговой полиции, например.

Все понятно – лето, межсезонье, разъехались кто куда, бросив дела на ничего не понимающую и боящуюся ответственности девчущку – помощи отсюда ему никакой не дождаться.

Распроставшись и направившись к выходу, он остановился, привлеченный чучелом гигантской щучьей головы, висевшим над дверью.

Неизвестный таксидермист создал прямо-таки трагическую композицию: широко распихнутая пасть, усеянная огромными зубами, готова ухватить гуся-казарку (тоже, понятно, чучело); казарка навеки застыла в позе взлета – шея, голова, тело и лапы вытянуто в струнку, крылья напряженно раскинуты – и совершенно непонятно, успеет птица спастись или спустя долю секунды станет добычей алчного чудища...

Табличка под композицией сообщала, что чудо-щуку весом сорок шесть килограммов с какими-то граммами изловили четырнадцать лет назад в водах Порос-озера. О снасти табличка деликатно умалчивала – уж не удочка и не спиннинг, понятное дело...

«Вот так оно и было, – подумал Лукин. – Хап – и нету... Сорок шесть кило, почти три пуда. Для щуки не предел, есть исторические свидетельства и куда более крупных экземплярах... Щуки, как и все рыбы, растут всю жизнь... правда, с каждым прожитым годом все медленнее и медленнее... А если какой-то внешний толчок ломает природный регулятор роста? И рыбка будет прибавлять в весе и размере с той же скоростью, что и в первые годы жизни? Тогда, товарищ Лукин, можно спокойно перестать ломать голову, как здесь, на севере, мог оказаться

сом-гигант, типичный для южных рек... Неужели все-таки спутник с ядерной начинкой?.. Или редчайшее, один шанс на миллион, проявление теории вероятности?»

Ладно, поймаем – посмотрим...

4

Говоря девице про легенды о местных озерных чудюшах, Лукин не кривил душой.

Такие легенды в его архиве действительно хранились. Таинственные обитатели водных глубин (по одному на каждое озеро) именовались Водяными Хозяевами, в других вариантах – Чертушками.

Чертушка имел облик либо гигантской рыбы, либо человекообразного существа со многими рыбьими чертами и повадками. К обитателям суши Водяные Хозяева вражды не питали, больше заботясь о благоденствии рыбьего населения озер; но порой люди, слишком хищнически истреблявшие водных обитателей, в один злосчастный день не возвращались с рыбалки...

Старые рыбаки, чтящие традиции, старались на новом месте лова всегда бросить в воду какой-либо подарок – задобрить Чертушку. И сети их после этого всегда были полны...

У Лукина такие легенды проходили по пятому разряду – фольклор и откровенные байки, в своих построениях он их в расчет не принимал. Но теперь, в свете последних событий, подумал, что, может быть, зря поспешил отбросить старые сказки...

Теоретически, почему бы одной рыбине не избежать всевозможных превратностей жизни и не достигнуть мафусаиловых лет и, соответственно, невиданных размеров? В любой сказке, как известно, лишь доля сказки...

«Хватит копать в рыбацких байках, – подумал Лукин. – Потому что в тех историях поймать Чертушку никому и никогда не удавалось. И даже любая попытка завершалась печально... А утренний эксперимент показал, что здесь просто животное – пусть огромное, пусть пока непонятное – но, безусловно, смертное и никак не сверхъестественное...»

Теперь предстояло отыскать Пашиного не то друга, не то коллегу... вроде по фамилии Ковалев... где-то лежал тут в бардачке блокнот с телефонами.

5

Слава К. – так он был обозначен в Пашиной записной книжке – действительно оказался тем самым коллегой Ковалевым, которого он искал; и спустя час после телефонного разговора Лукин сидел на крохотной кухоньке его двухкомнатной квартиры.

Разговор пошел легко, вопреки первоначальным опасениям – Слава оказался в курсе всего, что произошло с Ларисой, Валерой и Пашей – но почти сразу Лукин понял, что не пойдет с Ковалевым ни в горы, ни в разведку. Ни на охоту за ТВАРЬЮ.

Ковалев вполне годился Лукину в сыновья – лет тридцать, или даже чуть меньше – был умен и прагматичен, даже особо и не стараясь свой прагматизм замаскировать.

В озерного монстра он, насколько понял Лукин, абсолютно не верил, не стоило и стараться, приводя теоретические выкладки и практические доказательства – *такое*, надо понимать, лежало вне его представлений о жизни. Ларису, впрочем, он тоже ни в чем не обвинял, даже намеками не касался просшествия на озере...

Игорю Евгеньевичу был готов помочь всем, чем мог – и совершенно, с какой-то провинциальной непосредственностью, не скрывал, что ждет в свое время ответной помощи – оставаться звездой районного масштаба никак не соответствовало его планам на жизнь, а завоевывать столицу лучше всего, опираясь на связи таких людей, как Лукин.

«Ну что же, Слава К., все понятно... Отчего бы и не помочь тебе в Москве... у меня записная книжка ломится от телефонов людей, до которых самостоятельно ты бы добирался

ой как долго. Но за это, дорогой друг, я постараюсь вытянуть из тебя все, что может иметь отношение к моему делу... а знаешь ты, похоже, немало...»

Действительно, в отсутствии Пашки Ковалев оказался бесценным источником информации о районе и, к тому же, хорошим рассказчиком – излагал конкретно и сжато, оставляя только необходимые подробности, а если чего-то не знал, то адресовал к безусловно компетентным в вопросе людям.

Первым делом Лукин постарался прояснить вопрос об экологе-одиночке Завьялове и таинственном спутнике, упавшем в озеро. И тут его подозрения полностью оправдались.

Завьялов слыл личностью в районе известной, можно сказать одиозной, питавшей не избалованную сенсациями местную прессу своими экзотичными выходками. То прикуется наручниками к проходной деревообрабатывающего комбината в знак протеста против сокращения зеленых легких планеты, то вообще изобразит фарс с самосожжением на площади перед администрацией.

Лет пятнадцать назад был он записным диссидентом и неоднократным клиентом областной психушки; потом старательно боролся за демократию, драл глотку на митингах и сжигал чучела гекачепистов; а не так давно подался в зеленое движение, благо представился удобный случай.

Года три назад защитники окружающей среды неожиданно резко атаковали Кандояжский ЦБК, тихо и мирно выпускавший картонные коробки да туалетную бумагу. Нет, понятное дело, комбинат экологическую обстановку в округе никак не улучшал, но и смертельной угрозы всему европейскому северу, как то изображали зеленые, тоже из себя не являл.

Достаточно было, по мнению Ковалева, вложить не такие уж великие суммы в модернизацию очистных сооружений. Но гринписовцы как с цепи сорвались – митинги, акции, листовки, сборы подписей о закрытии, постоянный палаточный лагерь у ворот, визиты столичных телевизионщиков...

В основном суетились активисты московских и питерских филиалов международных экологических организаций, но рекрутировались также местные кадры, среди них и Саша Завьялов, все как-то не находящий себе места в вожделенном обществе победившей демократии.

А закончилась невиданная шумиха просто: обанкротившийся комбинат по дешевке приобрела финская бумагопроизводящая корпорация; финны, за экологическую чистоту родной Суоми тоже весьма радеющие, перенесли в Кандоягу самые вредные производства; международные сторонники чистого мира как-то разом потеряли интерес к ЦБК.

Местные, правда, еще какое-то время пошумели – но быстро обнаружили, что пикетировать и жить в палаточных лагерях за свой счет довольно-таки накладно – и постепенно все отошли от зеленого движения. Все, кроме Завьялова. Он остановиться уже не смог и подался в экологи-партизаны...

Лукин не стал задерживаться на печальной судьбе Кандояжского комбината и задал неожиданный вопрос: о траектории запуска космических спутников.

– “Космос–954”? – мгновенно сориентировался Ковалев, – приходил к нам Завьялов и с этим, есть у нас тут такая легенда, но автор явно не он, слухи давно бродят... В Плесецке все отрицают – так они там все и всегда отрицают, пока фактами к стенке не припрешь. Может, действительно рухнул где-то в тайге, мало ли случалось таких падений и здесь, и на Байконуре.

Но Лукина интересовала не сама вероятность падения злосчастливого спутника, но то, мог ли тот с точки зрения баллистики рухнуть в *его* озеро.

Слава задумался, теребя мочку уха; потом отправился, извинившись, в детскую комнату (семья его отдыхала у родственников, под Ростовом). Вернулся через пять минут с большой, ярко раскрашенной книжкой. “Космос в картинках” – прочитал Лукин на обложке.

Гуманитарии, черт возьми... Ох, не тому на журфаках учат, если простейшие технические вопросы приходится прояснять по таким книжечкам...

Еще через десять минут два гуманитария, склонившись над книжечкой для младшего школьного возраста, выяснили главное: упасть к западу от Плесецка спутник никак не мог – траектории запуска направлены исключительно к востоку.

«Единственный вариант – ракета сошла с баллистической траектории сразу после старта, – понял Лукин. – Отклонилась на запад уже в неуправляемом полете... Ага, и умудрилась угодить именно в это озерцо. А на борту действительно оказалась ядерная силовая установка... И активировалась при падении... Не проще ли, товарищ Лукин, сделать всего одно предположение: в свое время люди в мундирах захоронили в озере, воспользовавшись большой глубиной и безлюдьем места, пару-тройку контейнеров с чем-нибудь био– или радиоактивным... Куда проще, чем такая цепочка маловероятных допущений...»

– А вот по таежным озерам я небольшой специалист... – сказал Слава К. с сожалением. – Все поверхностно: пикники-шашлыки, иногда рыбалка, один-два раза в год на охоту вырываюсь. Но есть у нас один колоритнейший тип, Маркелыч... Он, по-моему, может рассказать *все* про любое озеро в округе – с детских лет тут рыбным промыслом занимается. Завтра попробую с ним связаться и договорится о встрече; но ничего заранее не обещаю, тот еще Фигаро, по трем субъектам федерации мотается... на редкость интересная личность.

6

Переночевал Лукин в гостинице.

Встал по привычке рано, на рассвете, и сразу поехал в аэропорт – проблем с билетами на вторник, равно как и очереди к кассам, не оказалось. Лукин послонялся по гулко-пустынному залу ожидания, позавтракал в открывшемся буфете, с трудом отвязался от бича, пытавшегося всучить за десятку обручальное кольцо, по виду явно латунное. И, дождавшись приличного для визитов часа, отправился в приткнувшуюся сбоку летного поля гостиницу летного состава – договориться о нестандартном багаже на обратный рейс.

Разговор с пилотами обнадежил – с полной загрузкой они из Москвы летали лишь в канун начала школьных занятий. А сейчас, неформально договорившись с экипажем, можно провезти хоть танк Т-80 в разобранном состоянии.

Дел в городе не осталось, и он решил вернуться до вторника на озеро – оно неодолимо притягивало Лукина, было что-то отчасти наркоманское в желании оказаться вновь на высоком берегу, под шуршащими кронами сосен и вглядываться таинственную прозрачную глубину...

Выруливая по узенькой бетонке, ведущей от шоссе к аэропорту, Лукин затормозил у одноэтажного красно-кирпичного здания – метеорологической станции, вспомнив вдруг про неразрешенную до сих пор загадку: непонятно как уцелевших аквалангистов.

Дежурившая по станции древняя старушка (а где найти молодых за такие мизерные деньги?) наверняка помнила времена повальной охоты за шпионами и взирала на Лукина крайне подозрительно. Но, не найдя в просьбе криминала и внимательнейшим образом изучив его документы, позволила просмотреть подробные сводки погоды за минувшие две недели.

Выстрел с завязанными глазами угодил в цель: накануне приезда на озеро следственной группы резко упало атмосферное давление – на сорок пять миллиметров и потом медленно повышалось, последние три дня стабилизировавшись на довольно высокой отметке...

«Вот и разгадка, – понял Лукин. – Не знаю как там у ящеров, но вот рыбы реагируют на такие скачки давления очень чутко... И чем крупней экземпляр, чем больше у него плавательный пузырь, – тем сильнее реакция. Мелочь приспосабливается почти мгновенно, шныряет и кормится у берега, как обычно... А вот крупные напрочь теряют аппетит и подвижность,

стоят два-три дня у дна в полной апатии. Похоже, на редкость повезло этим ребятам с аква-лангами...»

В гостинице, куда он заскочил за вещами, администратор попросила как можно быстрее перезвонить Славе Ковалеву; Лукин позвонил прямо от ее стойки, выслушал несколько фраз невидимого собеседника, коротко поблагодарил и повесил трубку – поездка на озеро откладывалась.

Слава, к легкому удивлению Лукина, выполнил свое вчерашнее неуверенное полуобещание – разыскал Маркельча, местного Дерсу Узала и договорился об их встрече – она должна была состояться спустя сорок минут в Пионерном (не то в окраинном районе города, не то в сросшемся с ним поселке).

7

Степан Викентьевич Парфёнов (с чего его все вокруг звали Маркельчем? – непонятно) по размерам личных сбережений и долям в различных предприятиях мог называться “новым русским”; по внешнему же виду походил на представителя малопочтенного сословия бичей, перебивающегося случайными заработками, чтобы с началом сезона завербоваться в экспедицию или в рыболовецкую артель...

Лукин, в общем, был подготовлен к такому вчерашним рассказом Славы К., но все равно удивился, когда распахнулась дверца остановившегося рядом с уазиком новенького “Лендровера-Дискавери”, зачем-то украшенного тарелкой спутниковой антенны. С водительского места вылез мужичок лет шестидесяти в ватнике с обрезанными рукавами, в засаленной кепке и в чем-то испачканных старинных военных галифе, заправленных в стоптанные кирзовые сапоги.

Лицо Маркельча покрывал загар – не ровненький загар Анталии или солярия – нет, надо много времени проводить под нежарким северным солнышком и на режущем ветру (не брезгуя и народными внутренними согревающими средствами), чтобы кожа обрела такой кирпично-бурый цвет.

– Здорово! – ладонь, бугрящаяся каменно-твердыми мозолями, изрезанная шнурами снастей, стиснула как клещами протянутую для рукопожатия руку Лукина.

– Ты, что ли, приятель Паши-то будешь? – начал Маркельч без долгих предисловий. – Я, знаешь, московских-то не больно жалею, тем более из газет-журналов – наврут с три короба, намутят воду... Но Иннокентьич мужик правильный; было дело – помог крепко мне, теперь и я чем могу, помогу... Ну пошли, присядем на свежем воздухе, в ногах-то правды нет... У меня времени час где-то, а рассказать про твое озерцо есть чего, так что ты не перебивай, будут вопросы – потом задашь...

Лукин согласно кивнул головой и они уселись на толстенный поваленный древесный ствол, служивший (судя по валявшимся вокруг многочисленным бычкам и пробкам от бутылок) вечерним клубом по интересам местным любителям крепких напитков...

Его собеседник был потомственный северный рыбак – и отец, и дед, и прадед, и все предки вплоть до самого легендарного Парфёна, бежавшего в северные дали еще от царя-реформатора Петра – все занимались рыбным промыслом. Ловили всегда по старинке, не оглядываясь на царские установления об охране рыбных запасов и, позднее, на декреты Совнаркома. Говоря проще – браконьерствовали.

Маркельч вступил на тернистый наследственный путь, когда весьма ужесточились санкции за незаконный лов: штрафы и изъятия сетей сменились тюремными сроками. Степа Парфёнов слыл ловким и удачливым, да и с инспекторами умел договариваться, но и его не избежала чаша сия – получил в конце концов за злостное браконьерство пять лет, тогдашний максимум.

Рубил лес не так далеко, в соседней республике Коми, а когда вышел – в родных краях снова возрождали рыболовецкие артели; власти наконец осознали тот простой факт, что рыбсовхозам осваивать мелкие затерянные в тайге озера невыгодно, гораздо больше там наловит по заключенному договору ватага из пяти-шести человек, а то и одиночка с десятком сетей.

Получалось, что сидел Маркелыч вроде и не за что; но он на власть не обиделся, сколотил артель и занялся знакомым делом. Конечно, то была не вольготная жизнь старых времен – весь улов приходилось сдавать по фиксированным ценам, весьма и весьма заниженным...

Но в ватаге Парфёнова паи всегда выходили в конце сезона куда выше, чем у других – как никто знал он тайгу и озера; умел безошибочно определить, стоит или нет начинать лов на той или иной ламбе; и рыбы стаи находил, казалось, верхним чутьем, без всякого эхолота. Соответственно и народ мог отбирать в артель придирчиво – многие к нему стремились, но пьяницы и лодыри получали от ворот поворот.

Когда задули-засвистели первые сквознячки перестройки и хорошо знакомое слово “кооперация” стало приобретать новый смысл, у Степана Викентьевича скопился уже изрядный капиталец.

В отличие от многих других, доставших деньги из дальних захоронок, в торговлю он не кинулся, «купи-продай» никогда особо не привлекало, не та наследственность – но когда внук писателя-комиссара объявил повальную приватизацию, несколько рыболовецких фирм Парфёнова уже более чем успешно конкурировали с загибающимися без дотаций рыбсовхозами.

И пока другие успешно прибирали к рукам магазины и фабрики, под контролем Маркелыча оказалась добыча и переработка рыбы на территории с пару европейских стран размером (ну а потом, заодно уж – и производство снастей да лодок, и кое-какое строительство, и пакет акций речного пароходства, и инвалютный рыболовный туризм).

Короче, император тайги и окрестностей.

8

– Я сам почти с тех краев-то, а вот как озеро называется – не знаю. Местные, что с деревни, просто говорили: Озеро. Щучьим еще звали, Светлоозером звали, за воду чистую... Одно время, недолго, Прошкиным озером стали звать – тракторист там утонул совхозный, Прохор...

Услышав про еще одну жертву озера, Лукин насторожился – Маркелыч оценил его реакцию и пояснил:

– По весне под лед провалился, с трактором... Пару километров по льду решил срезать, ну и... Не нашли, в общем, криминалу в истории той... Вот. А ловить-то на озере мне мало приходилось, оно лет тридцать тому людным местечком было... для наших дел... но бывал там часто. А потом, когда артели начались и промысловики-одиночки тоже, жил там один... писатель... Заключил договор, избушку подлатал, печь сушильную наладил – и давай озеро сетями чесать... А пока сети стоят – книжку корябал... Читал я потом, лажа сплошная... Он уж там, в книжке-то, такой чистый-благородный: рыбу поймает, пометит, обратно выпустит... Жизнь рыб он изучает, Жак-Ив Кусто, бля... Хрен он там что изучал – поймает и сушит; потом в мешок – и сдавать... Уж я думаю, теми денежками зимой и жил, с писанины своей давно ноги бы протянул... Фамилию вот запомятовал, что-то от озера известного... Ладогин, может? Хотя он той фамилией только книжонки свои подписывал, а в паспорте другая была, но назывался всегда Ладогиным... Или не Ладогиным? Ты, Евгенийч, его в Москве отыскать попробуй, не зря пять сезонов безвылазно просидел, может чего больше тебе расскажет... Вот книжка как называлась, я хорошо запомнил – “Водные тропинки”, в журнале каком-то печаталась... Может, по книжке-то фамилию уточнишь, ну да про ту рыбу ты лучше меня знаешь...

Парфёнов поерзал, устраиваясь поудобнее на лишенном коры, отполированном штанами многих сидельцев стволе, достал пачку сигарет и предложил Лукину.

– Спасибо, не курю. Пятнадцать лет как бросил, – отказался тот, успев заметить, что пачка на редкость интересная: с одной стороны виднелись угольные фильтры, вполне соответствующие дорогой марке, с другой торчали бумажные мундштуки дешевых папирос...

Маркелыч извлек как раз папиросу – вполне плебейскую беломорину и чиркнул зажигалкой. Зажигалка оказалась еще интереснее – стилизованная по моде, завезенной в эти края полвека с лишним назад вернувшимися фронтовиками: из желтой (золотой?) винтовочной гильзы, с отполированным колпачком на цепочке, с колесиком сбоку... По торцу колесика вилась надпись латиницей и, надо думать, стоила фирменная игрушка как несколько ящиков одноразовых турецких...

Старый браконьер глубоко затынулся и продолжил:

– Вот... А потом, через несколько лет, лов на озере запретили – настоящие ученые приехали, опыты какие-то ставили, рыб изучали... Сами, которые из науки, правда, катер с тралом вовсю гоняли... Но без толку все – тут невод нужен, трал медленно ползет, уходит рыба-то... только мелочь и попадалась. Тоже несколько лет там кантовались, базу на берегу западном построили... Не знаю, чего уж там они наизучали – мне не докладывались; но профессор их главный потом приезжал еще раза три, когда опыты они свои уже закруглили и съехали; говорил – нигде мест таких не видел, красота, мол, неопишная... Рыбу ловил, охотился... Давно не видно, может помер... старый уже был... Так он, профессор-то, бывало, примет чарочку с улова удачного – и давай заливаться, как озеро через него прославится... Что-то он здесь, дескать, открыл-изобрел... Ему, значит, награды-степени полагаются, ну а нам, здешним, как бы за помощь тоже почет всенародный...

«Так-так, – подумал Лукин. – Значит, еще и ученые... Биологи, надо понимать. И что же, интересно, герр профессор тут наизобретал? Может, ускоритель роста для рыб? Ну и вылил бочку-другую в озеро по ошибке... Да нет, сумасшедшие гении, профессора-одиночки хороши в фантастических романах. Такое изобретение если на нобелевку и не тянет, то уж везде прогремело бы, это точно. Вернее всего, открыл пан профессор какую-нибудь новую зависимость роста рыбьей популяции от положительного изменения удельного веса зообентоса на кубометр воды, тиснул никому не нужную монографию тиражом в пятьсот экземпляров – и дело с концом...»

9

Нежная трель северного соловья – птички варакушки – прозвучала совершенно для августа месяца неожиданно, тем более неожиданно, что раздалась она из недр засаленного ватного жилета Маркелыча.

Он, хитро улыбнувшись, извлек из внутреннего кармана крохотную трубку мобильника и, тщательно нацелившись толстым, загрубелым пальцем, ткнул в нужную кнопку – отключил. Лукин изумился – свой сотовый он использовал в здешней глуши лишь в качестве будильника. И ни разу не видел, чтобы кто-то из местных пользовался мобильной связью.

– Нет покоя ни днем, ни ночью, – вздохнул старик отчасти лицемерно. – В самую глубь таежную заберешься – и то найдут, через спутник достанут... Эта игрушка только у меня тут и работает – вон какую дурынду возить с собой приходится.

Маркелыч кивнул на тарелку-антенну и продолжил:

– Так вот... В последние годы мы на озере твоём дважды ловили... Первый раз, года четыре тому, неплохо притонились – щуки здоровые, метра по полтора каждая, и много – знать, на яму-то зимовальную попали... А прошлой зимой послал бригаду, завели невод на том же месте. Ничего не поймали, только изорвали весь... видать, топляков нанесло по весне. Убыток

сплошной получился – полдня майны рубили, да горючка для “Буранов”, да невод, считай, на списание пошел... Вот и все, что я про озеро твое знаю. А большего никто в наших краях тебе и не расскажет... Из деревни, Заозерья, кто съехал из старых – перемерли все, одна Андреевна осталась, так она на девятом десятке, с памятью неладно – лучше всего войну финскую помнит, считает, будто вчера кончилась; а годы-то недавние как корова языком слизнула...

– А летом вы там ловить не пробовали? Или, может, кто другой? Я имею в виду, в последнее время...

– Летом-то? Летом только нынешним добраться без вертолета можно, да и то налегке... Ты попробуй-ка, загрузи «козелок» свой рыбой под завязку – тут и застрянешь в болоте... А сига, пеляди на озере нет, лосось не доходит, не с руки гонять вертолет-то.

– Скажите, так вот в клочья изорвать невод о топляки, на известной тоне – дело обычное?

Казалось, вопрос слегка смутил старого таежного волка; Маркелыч помолчал, достал еще одну папиросу, смял и бросил, не закурив. И заговорил о другом:

– Знаю я, что ты здесь ищешь... Ин-фор-ми-ро-ва-ли... – иностранное слово он произнес по слогам, но без ошибок и запинок. – Да вот не знаю, найдешь ли... В тайге много разного бывает, и странного, и страшного... Порой сам такие вещи видал – никому не рассказывал. И тебе не расскажу. Может, и не совсем сказки все, что про Водяного Хозяина говорят... не знаю... А невод о топляки изорвать недолго, особо не новый – если тащить напролом, дуром... Но деды говорили, что Чертушка именно так вот сети рвет, если кто его поймать вздумает. А ежели упорствовать будет – так и сам с ловли не вернется... Знаешь, я сам ни в чертей, ни в дьяволов никогда не верил, но если кошка черная дорогу перебежит – через плечо плюю. На всякий случай. И на Прошкином озере ловить больше никогда не собираюсь... береженого Бог бережет.

Парфёнов встал и вразвалку направился к “Дискавери”. Остановился и посмотрел на Лукина, сказал задумчиво:

– Даже и не знаю, что тебе пожелать: найти что ищешь или наоборот... А если дочке Иннокентьяча адвокат хороший потребуются – позвони. Есть подходящий...

Он протянул визитную карточку. На ней наискосок, по диагонали, было вытеснено золотом единственное слово, стилизованное под торопливый и корявый почерк: “МАРКЕЛЫЧ”. И длинный номер телефона снизу.

10

Тишина... Ни ветерка, ни плеска... Как будто заманивает: ну давай, надувай лодку и приди ко мне, сыграем по маленькой – голова против головы... Приду, подожди еще чуть-чуть, я устал, я шел двадцать три года, но я приду...

Ну а что у нас тут? Тут жили те самые доценты с кандидатами, не ждущие, черт их деря, милостей от природы... Что же вы, голубчики, тут нахмичили? Да разве теперь поймешь... От причала одни столбики, крыши пообвалились, но навес держится над летней кухней – плитой да столом... А стол-то здоровенный, немало вас тут сжигало... Каких только умных разговоров эти почерневшие доски не наслушались... и смех девчонок-практиканток, и песни под гитару... Слыхали мы такое, и песни пели, и практиканток целовали... Р-романтика...

Ну а на той ржавой конструкции, надо думать, стоял у них ветряк, разобрали потом и вывезли... а вот здесь от него силовой кабель шел вон к той интересной площадке... хм, а канавка-то от кабеля осталась довольно свежая, года два-три назад выкопана... Неужели и в такие места охотники за металлами добираются?... Что за аппаратура тут стояла, теперь уж не понять... Хоть бы профиль их работ определить приблизительно... я уж не ждал найти тут забытый лабораторный журнал с записями экспериментов, но могла бы какая

табличка остаться: экспедиция, мол, такого-то НИИ... ничего... и как их теперь искать прикажете...

Короче, еще одна безрезультатная поездка. Молчит наука, как съели Кука...

11

Как всегда бывает при наборе высоты на Як-40, наступил тот неприятный момент, когда двигатели перестали тянуть на форсаже – и, казалось, отключились и смолкли, резанув тишиной по привыкшим к реву взлета ушам; а тело, только что притиснутое к спинке кресла пусть не космической, но все же перегрузкой – внезапно расслабилось в полуневесомости.

Лукин пережил сотни таких взлетов, но внутри что-то вздрогнуло и тревожно сжалось – вестибулярный аппарат существа, не предназначенного эволюцией для полетов, подавал мозгу сигнал опасности. И он подумал, что, наверное, такие же сигналы получил и на озере – наследство пещерно-древних времен, когда хруст в зарослях или плеск в близлежащей заводи означал близкую и смертельную опасность; получил – и отреагировал точно как далекий волосатый предок – копьё или дубина стиснуты в бугрящихся мышцами руках и в крови закипает бесшабашный азарт последней схватки.

Какого черта, мы наследники победителей, слабаки давным-давно растерзаны и сожраны...

Но потом, на подлете к Быково, когда густые светящиеся пятна городов и поселков внизу слились в огромное, во весь горизонт, сверкающее зарево – все произошедшее показалось смешным и нелепым: кто-то утонул, жалко, но случается такое, и нередко; ну плеснула рыбина в тумане, кто сказал, что это охотник за человечиной?; лебеди чего-то испугались – эка невидаль; лещ рванул чуть посильнее и не выдержал подгнивший от долгого бездействия шнур; а старый дурак выходит на охоту за ветряными мельницами: узик-росинант и вместо ржавого копьё двустволка двенадцатого калибра...

V. Столица: Три визита в прошлое

1

С самого утра настроение у Людмилы было препаршивое.

Дедуля, наоборот, за завтраком казался полон сил и жизненных планов, шутил, рассказал два бородатых анекдота – она не тревожилась, тут главное не торопиться, к обеду все планы и намерения благополучно развеются, но не нравилась, совсем не нравилась ей такая бодрость...

Люда с трудом сдерживала злость на все и на всех – обычное ее состояние в моменты дедушкиных улучшений. А тут еще и гость к нему заявился... Раньше гости так и вились в этой квартире со стенами, украшенными головами кабанов и медведей, чучелами гусей, глухарей и уток (кто бы знал, как хотелось Люде поскорее выкинуть те трофеи, притягивающие пыль как магнитом).

Но в последнее время, после инсульта и появления Людмилы, поток посетителей превратился в едва журчащий ручеек, а затем и вовсе иссяк – полупарализованный, с трудом владеющий речью (да и мыслями тоже, если честно) писатель Анатолий Ильменев вызывал у всех, раньше знавших его, чувство какой-то виноватой неловкости за собственное здоровье – а с людьми, подобные чувства вызывающими, всегда стараются без особой необходимости не общаться. Да и Люда под всякими предложениями урезала время визитов: дедушке пора принимать лекарство; извините, но по режиму у него сейчас обязательный сон; простите, но к двум часам мы ждем врача...

Вот и теперь она вошла в комнату Ильменева с подносом, нагруженным нужными и ненужными лекарствами, тонометрами и термометрами, стаканами с витаминизированными напитками и стопочкой салфеток для отирания слюны с правой, парализованной, стороны рта – весь облик Людмилы демонстрировал незваному визитеру, что он может весьма и весьма помочь ей в медицинских хлопотах, незамедлительно распрощавшись.

Гость (вполне еще интересный, по ее мнению, мужчина, хотя и в возрасте) расспрашивал дедушку о каком-то затерянном в тайге у черта на куличках озере... Расставляя на прикроватной тумбочке причиндалы с подноса, она прислушалась к невнятным ответам Ильменева и про себя мстительно рассмеялась – дедуля не говорил, как все нормальные люди, а цитировал сам себя, шпарил наизусть абзац за абзацем из собственных книжек, благо память на когда-то написанное сохранилась на удивление...

Если гость и разочаровался почти дословным пересказом “Водяных тропинок”, то на его загорелом лице это никак не отразилось – кивал, слушая бесконечные бредни о том, как дедушка ловил огромных шук, метил, выпускал в озеро и составлял карту их охотничьих участков.

Минут через десять дедуля наконец иссяк; пришелец посмотрел на Людмилу, стоявшую посередине комнаты со скрещенными на груди руками и откровенно ждавшую конца визита – и стал рассказывать сам. Причем говорил он, обращаясь исключительно к Люде и она с удивлением обнаружила, что с одиноко живущим на таежном озере мужиком может произойти масса интересных, удивительных, смешных и немного грустных историй – рассказчик оказался еще тот, куда там дедушке... Она понемногу увлеклась, заинтересовалась, тоже стала что-то рассказывать – визитер слушал внимательно, порой задавал заинтересованные вопросы, не то что старые дедулины приятели, смотревшие на нее в лучшем случае совершенно равнодушно, а в худшем настороженно и подозрительно.

Дедушка тоже оживился, перестал сыпать собственными цитатами, вставлял в умело направляемый гостем разговор довольно живые реплики о том самом озере. Людмиле казалось, что слова деда тот пропускает мимо ушей, увлеченный исключительно беседой с нею.

А потом Люда изумленно заметила, что визит, который она не собиралась дать затянуть более пятнадцати минут, перевалил уже за полтора часа – заметила и, небывалое дело, предложила посетителю отобедать с ними. Тот отказался, сославшись на кучу дел и самолет, улетающий вечером; провожая гостя (имя его по приходу Люда пропустила мимо ушей, а переспросить потом постеснялась) она подумала, что и среди дедушкиных знакомых встречаются в виде исключения вполне приличные люди.

«Какого черта, – думал Лукин с холодным бешенством, – какого черта мы жалеем погибших молодыми? Им надо завидовать, если не повезет и случится дожить до такого – лучше уж не вернуться с озера, как Валера или словить свой инфаркт и умереть где-нибудь в красивом месте, подальше от капельниц и отвратного больничного запаха – на траве, под соснами, под синим безоблачным небом... И чтобы не толпилась рядом безутешная родня, делящая в мыслях наследство...»

2

– Мы не сдаем в аренду помещения, – Эльвира Александровна крайне неприязненно посмотрела на незнакомца, появившегося в дверях каморки, пышно именуемой кабинетом завлаба. – Всё, хватит, и так сдали, что можно...

Комнатушка, заставленная аппаратурой, так что к столу можно было протиснуться лишь боком, вполне подтверждала слова хозяйки. Она продолжала с прежней неприязнью:

– И мне нет дела, что вам там обещал Комарчук; если наобещал – пусть размещает хоть в своем кабинете...

– Да я, собственно, как-то и не собирался здесь квартировать. Меня к вам направил Пыляев по другому вопросу...

– А-а-а... Извините... Мы тут ведем форменную войну за площади, наш зам по АХЧ маму родную готов в аренду сдать, и как раз сегодня... – она на полуслове оборвала объяснение, откинула с очков седеющую прядку и одернула знавший лучшие дни халат. – Извините еще раз, обозналась. Что вам угодно?

Несмотря на слова извинения, неприязнь никуда не ушла ни из ее голоса, ни из настороженного взгляда серых глаз. Незнакомец легко проскользнул мимо громоздящихся приборов и оказался возле ее стола.

– Меня зовут Лукин, Игорь Евгеньевич. Я журналист, пишу сейчас очерк о нынешнем состоянии природы русского севера и хотел поговорить с вами о работах профессора Струнникова. Вы ведь несколько сезонов отработали вместе в постоянной экспедиции НИИ рыбноводства там, на Севере...

– Зачем? – в голосе Эльвиры Александровны прозвучала непонятная Лукину горечь. – Зачем вам это? Николай Сергеевич умер двенадцать лет назад и сенсаций из его работ вы не выжмете, никак не сенсационными вещами мы там занимались...

– Как я понял из разговора с Пыляевым, вы занимались проблемами разведения карповых рыб на севере... А для чего, собственно? Насколько я знаю, чем дальше к северу, тем выгоднее разводить лососевых: форель, пелядь, сигов...

– Ничего вы не знаете, – устало сказала она. – То, что там делалось с лососевыми все последние десятилетия – никакое, по большому счету, не рыбоводство... Так, искусственная репродукция. Выпускали в естественные водоемы мальков-сеголеток, в лучшем случае годовиков – к великой радости местных шук, окуней, налимов и чаек. Выход товарной рыбы – один-два процента в лучшем случае. В самом благоприятном случае... А мы работали над полным

циклом разведения карпа в северных условиях... Карп и растет быстрее, и менее требователен к содержанию кислорода в воде, и дает гораздо больший прирост на килограмм съеденного корма...

Эльвира Александровна говорила бесцветным голосом, не глядя на Лукина. Слова складывались в не один раз сказанные фразы совершенно без участия сознания – перед ее мысленным взором снова...

...опускалось в тайгу багрово-красное закатное солнце, озерная гладь без малейшей ряби на зеркальной поверхности; причал, белеющий свежеструганными сосновыми досками с дурманящим смолистым ароматом; и рука, тяжелая и мускулистая мужская рука, лежащая на плече у нее – у молодой и симпатичной аспирантки в совсем не портящих ее очках в тонкой оправе, с обдуманно-беспорядочной копной рыжих волос; и сентябрьский дождь, барабаниющий по туго натянутому брезенту палатки – она, счастливо-обессиленная, с губами, еще горящими от поцелуев, смотрит на его профиль на фоне входного порога – гордо откиннутая голова с седеющей шевелюрой, уверенный жест, подносящий огонь к сигарете – мой, мой, мой, никому не отдам; и зимы (боже, как она ненавидела те томительно-долгие зимы) – короткие, украдкой, встречи вечерами и подчеркнута деловой тон на работе: “Эльвира Александровна, будьте добры, найдите папку с тест-таблицами за семьдесят второй год...”; и ожидание, мучительное ожидание весны, солнца, шума сосен над головой – и его, его, его рядом...

Журналист что-то спросил; она, пробудившись от грез наяву, посмотрела на него почти с ненавистью, но проклятый писака не смутился и повторил свой вопрос:

– Если так выгоднее, почему карпа не разводят... не разводили на севере?

Эльвира Александровна помассировала висок и неохотно ответила:

– Холодно, слишком холодно. Вода прогревается до нужной для нереста карпов и развития мальков температуры только к июлю – молодь попадает на зимовку мелкой и слабой – как следствие, большой отход; и сезон активного питания короток – до товарной массы рыба растет не два, как на юге, а четыре года...

– И вы...

– Мы работали над ускорением роста... гормональные добавки к пище... селекция наиболее быстро растущей в холодной воде породы...

– Но почему именно там, на озере? В принципе, ведь в ваши бассейны можно заливать воду любой температуры... Зачем тащиться в тайгу, за тысячу километров, да еще сидеть там несколько сезонов, когда здесь, в институте, все под рукой?

Она ответила не сразу; сейчас об ее взгляд, и раньше не слишком ласковый, можно было уколоться, обрезать, обжечься... Наконец она разлепила губы и сказала совершенно мертвым голосом:

– Экспедиция планировалась комплексная, работала над многими проблемами северного рыбоводства; мы со Струнниковым занимались карповыми, а другие... Как вы, интересно, испытаете сорокаметровый экспериментальный образец нового трала в нашем бассейне?

Лукин все равно не понял, зачем они с профессором так упорно сидели на озере; он понял другое – разговор не получился и дальше продолжать его собеседница не намерена; и поспешил задать главный вопрос:

– Скажите, гормональные добавки, стимуляторы роста, они могли чисто случайно поедаться хищниками-аборигенами – щуками, к примеру?

– Исключено, – сказала она, вставая. – Они добавлялись в гранулированные комбикорма, хищники такими гранулами не питаются... Ну разве что мелочь местных карповых, просачивавшаяся сквозь ограждения вольеров, могла подбирать остатки... Извините, пожалуйста, но у меня сегодня много дел...

«Любой хищник стоит в самом конце пищевой цепочки, – подумал Лукин, спускаясь по узкой крутой лестнице, – и когда в воду сливают ядовитую химию, через какое-то время

содержание отравы в хищной рыбе в десятки раз выше, чем в мирной – эффект аккумуляции... Сорожки подбирали остатки и излишки комбикорма, а шуки подъедали сорожек, а потом... Спутник номер два, вот что это такое – красивая теория, которая абсолютно ничем мне не поможет... Завод по производству гормональных комбикормов так и не построили... аллах ведаёт, как они там лепили свои экспериментальные партии гранул кустарным способом... дрогнула рука у лаборанта, сыпанул втрое больше стимулятора и начались голливудские страсти... Бред, но достаточно логичный... Лишь одно никак сюда не укладывается – придумай покойный Струнников *такое*, в стране давно не было бы проблем с продовольствием, а Эльвира Александровна не сидела бы в глухом закутке, перегруженная непонятными комплексами – черта с два, стояла бы во главе всего НИИ, как наследница и продолжательница великого дела...»

3

Звонок в дверь раздался ровно в четыре.

Лукин, подумал Володя Дземешкевич. И не ошибся – тот стоял на пороге, подтянутый, стройный, в тусклом свете мерцающей в коридоре лампочки казалось, что Лукин не изменился за годы, пролетевшие с их последней встречи.

– Ты все тот же! – радостно стиснул его в объятиях Володя. – Кавалергард! Гусар!

Лукин в ответ улыбнулся одними уголками губ (ах, как млели лет двадцать назад девушки от такой полуулыбки!); а Дземешкевич смущенно представил, как выглядит в его глазах: в линзах очков теперь больше диоптрий, и костюм больше на несколько размеров, и вообще многого стало больше – морщин и внуков, проблем со здоровьем и несбывшихся надежд.

А Лукин... Лукин, как всегда, выглядел молодцом; Володя не завидовал, он никогда и никому не завидовал – по-доброму радовался за старого приятеля.

– Ну пойдем, расскажешь, сто лет ведь не виделись... – Володя кивнул на дверь кухни, где на столе уже стояла запотевшая бутылка и кое-какая немудрящая закуска.

– Расскажу. Обязательно расскажу, Володя. Но не сейчас. Через три-четыре дня я возвращаюсь – и тогда поговорим вдоволь, до утра, как в старые времена... Давно я ни с кем...

Лукин не закончил фразу, Дземешкевич вопросительно посмотрел на него и вздрогнул – здесь, под ярким светом люстры, Лукин смотрелся так же молодо, подтянуто, напружинено... но вот глаза – глаза были усталые, пустые, очень старые...

– У меня самолет через два часа. И я хочу познакомиться с твоим аппаратом и разобраться в нем как можно лучше; я думаю, что сработать ему не доведется, шансы, как всегда, минимальны (*прости, Володя, но я излишне много сказал тебе тогда по телефону, и уж вовсе напрасно ляпнул, что там совсем один; я знаю: если сейчас рассказать всё, то в одиночку ты меня не отпустишь, аставить на кон еще одну жизнь никак не могу...*). Но если вдруг срывает, осечки быть не должно.

– Ну пойдем, – разочарованно вздохнул Дземешкевич. – Ничего там особо сложного нет...

4

Был момент, когда Славе К. показалось, что он зря теряет время в аэропорту – ветер крепчал и крепчал, гнул деревья и гнал по небу тучи, обещавшие порадовать наконец дождем иссохшую землю. Несколько рейсов уже отложили по погодным условиям, поговаривали, что не прилетит и московский – но обошлось, самолет из столицы всего с десятиминутным опозданием побежал, замедляясь, по бетону посадочной полосы.

Никаких автобусов для прибывающих здесь не полагалось, вереница людей потянулась к зданию аэровокзала – Слава прильнул к железной изгороди, огораживающей летное поле.

Лукина сразу не заметил, а потом толпа взвихрилась водоворотом, перемешалась со встречающими: поцелуи и объятия, отцы семейств подхватывают сумки у жен, покрытых курортных загаром; мамы радостно тискают чад, вернувшихся от бабушек-дедушек...

Через калитку в ограде проходили уже последние, поотставшие пассажиры, и Ковалев подумал, что Лукин проскочил мимо него в образовавшейся круговерти. Слава завернул за угол – возле знакомого уазика никого не было, торопливо вернулся обратно и наконец увидел того, кого искал.

Лукин неторопливо вышел из-за носовой части самолета – полы легкого плаща развивает ветер, на плече туго набитая сумка. Следом за ним два бича тащили объемистый ящик; новоявленные Сизифы картинно сгибались и не очень натурально постанывали от натуги, намекая, что их запредельные усилия явно заслуживают дополнительного вознаграждения.

– Игорь Евгеньевич!

Лукин не удивился и не обрадовался – сделал бичам знак остановиться и молча пожал Славе протянутую ладонь. Ковалев также молча отдал ему запакованный в бумагу сверток и ответил на немой вопрос:

– Маркелыч просил передать. Сказал, что сделано так, как вы и просили...

Лукин прикинул сверток на вес и кивнул головой. Опять молча.

– И еще он сказал... – Слава сделал небольшую паузу. – Что если кому-то захотелось вдруг отрезать свой кусок от его рыбного пирога, серьезный кусок... не побаловаться с сетью – то начинать такое дело проще и безопаснее в местах удаленных... Например, на Светлоозере, оно же Щучье, оно же Прошкино. Есть сейчас такие способы... промышленный электролов... можно обезрыбить небольшое озерцо за три-четыре дня. Другое дело, что потом несколько лет там вообще ничего и ничем не поймашь. Но это уже головная боль хозяина. То есть Маркелыча. Ну и понятно, за такие шутки можно схлопотать по полной программе, штрафом рыбнадзора тут не отделаешься. И, как следствие, свидетели не просто нежелательны...

Лукин задумался. Бичи, видя, что разговор затягивается, уселись на ящик и задымили одной на двоих папиросой.

– Никак не получается, Слава. Согласен, Валера мог напороться на таких пиратов. Но Лариса в расклад не вписывается. Нет никакого смысла топить свидетеля и отпускать свидетельницу. А ей нет резона рассказывать потом странные и дикие истории...

– Могло ведь быть и по другому... Достаточно подплыть с аквалангом к резиновой лодке – и рассказ Ларисы получается вовсе даже не странным. И отнюдь даже не диким.

– “Амстердамский монстр”, – поставил диагноз Лукин. – Был такой боевичок... Или Бушков с его “морскими дьяволами”. Слава, я привез из Москвы аппаратуру, которая наконец поставит точку в мутной истории с мифическим звероящером. Привез, честно говоря, только ради Паши – пора прекратить игры в Лох-Несские чудища и заняться конкретными делами: адвокат, линия защиты... А вы предлагаете мне с места в карьер втравиться в новую сенсационную историю, на сей раз с маньяками-Ихтиандрами? Я согласен, кого сейчас удивишь девчонкой, перебравшей галлюциногенов... рутина для читающей публики. Подводное чудище или убивцы из спецназа ВМФ, тренирующиеся на мирных туристах – тема покруче, понимаю. Но помочь, увы, ничем не могу. Я здесь никак не в роли охотника за сенсациями...

Лукин говорил спокойно, твердо, уверенно, совершенно искренне глядя на Ковалева – а тот не поверил ничему. Ни единому слову.

«Нашел, он ведь что-то там нашел... – думал Слава, – нащупал какой-то горячий след... И решил пойти по нему один, рыцарь-драконоборец на белом коне... А мне, надо понимать, нет места даже в оруженосцах – куда уж со свиным-то рылом да в калашный ряд, мне, акуле пера и ловцу дешевых сенсаций... Тут святое – дружба двух ветеранов старой гвардии, и про-

сунутая между ними рука с диктофоном вызовет единственную реакцию: прочь, merde! Он уже все взвесил, все отмерил и расставил все точки над і – можно вылезти из кожи вон, безрезультатно убеждая, что мне плевать на сенсации, что я не меньше его хочу помочь Ларисе. Но нет, Ланселоты совершают свои подвиги исключительно в одиночку, а окружающие по сюжету обязаны быть равнодушны или попросту враждебны...»

Лукин попрощался – совершенно обыденно, как прощаются в пять вечера сослуживцы, чтобы завтра в девять утра встретиться снова; махнул рукой бичам и пошел к уазу – уверенный, подтянутый, похожий на полковника-спецназовца в штатском.

«Он не вернется, он свернет там себе шею, – понял с беспощадной ясностью Слава, глядя ему вслед, – исключительно из самоуверенной гордости и желания доказать, что грош цена всем нынешним людишкам и их ценностям по сравнению с ним и с тогдашней его закалкой... Господи, остановись, оглянись, старый дурак! Скажи ты попросту всего три слова: мне нужна помощь...»

Лукин не оглянулся.

VI. Озеро: Тварь и Лукин

1

Охотничий нож был длинный, чуть изогнутый, бритвенно-острый, на клинке никаких украшений-гравировок, способных затруднить вхождение в тугую плоть, лишь два дола-желобка, неизвестно отчего именуемых “кровостоками”.

Лезвие, казалось, без малейшего нажима коснулось натянутой синей изоленды – та мгновенно разошлась идеально гладким разрезом. Лукин прилепил ленту, встал и критически оглядел результаты своих трудов.

К тридцатиметровому прочнейшему нейлоновому тросу через каждые полметра крепился толстый провод в надежной эластичной изоляции, крепился с легким провисом – порвать его, не разорвав трос, попросту невозможно. А кто или что может сокрушить такой, по сути, канат, не уступающий в прочности китобойным линиям, Лукин не представлял.

Он удовлетворенно кивнул головой и стал неторопливо наматывать снасть ровными восьмерками на раздвоенный подобно рогатке хулигана-школьника древесный ствол – час назад аккуратно спиленный, очищенный от ветвей и ошкуренный. Подобный снаряд, уменьшенный в десятки раз, именовался у рыбаков жерлицей и успешно использовался для ловли крупных хищников с дедовских времен, когда никто и предположить не мог появления углепластиковых удилиц, сверхпрочных тонких лесок и катушек, изготовленных по космическим технологиям. Но простая и грубая снасть действовала не менее безотказно, чем яма-ловушка с кольями на дне – тоже ведь немудреное изобретение, однако позволившее выжить и размножиться нашим пещерным предкам (и заодно поставившее крест на дальнейшей эволюции мамонтов и шерстистых носорогов).

Простота супер-жерлицы гарантировала ее полную надежность, а Володин агрегат, по расчетам Лукина, вообще исключал любые неприятные случайности.

Все остальное готово: лодка, впервые накачанная, покачивалась у берега (мотор он оставил в городе, мотор сейчас мог лишь помешать); в садке тяжело ворочались три живца-леща; узик работал на холостом ходу, провода из-под капота тянулись к установке Дземешкевича – красная лампочка на щитке горела все тусклее, вот-вот зажжется зеленая, просигналив, что аппарат заряжен и готов к бою...

Ветер, наигравшийся с кронами деревьев за ночь, но так и не принеший дождя, поутих – по озеру катили невысокие волны, уже без белых барашков... И все равно оно Лукину не нравилось. В легкую волну щука лучше берет, успокаивал он себя, и за шумом не будет слышно плеска весел... Но спокойнее не становилось.

Зеленая лампочка наконец зажглась и он, отстыковав разъем от аппарата, пошел к палатке – сделать необходимое и неприятное дело...

Три связанных вместе изолендой красноватых бруска идеально, натуге, входили в левый верхний карман камуфляжа (чистенького, час назад впервые после стирки надетого); Лукин проковырял в крайнем продольное отверстие шилом складного ножа и стал аккуратно ввинчивать детонатор...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.